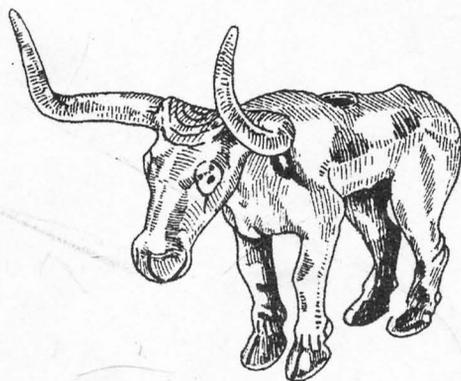

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ДРЕВНИЕ ОБЩЕСТВА КАВКАЗА В ЭПОХУ ПАЛЕОМЕТАЛЛА

(ранние комплексные общества и
вопросы культурной трансформации)

Санкт-Петербург
1997

**КУЛЬТУРНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ И
КУЛЬТУРА СТРОИТЕЛЕЙ ДОЛЬМЕНОВ НА КАВКАЗЕ**

Наиболее сложной проблемой в археологии остается изучение процессов смены археологических культур. Цель настоящей работы – анализ характера и путей культурогенеза на Северном Кавказе при переходе к эпохе средней бронзы. Мы не пытаемся установить происхождение культуры строителей дольменов Западного Кавказа, поскольку этому препятствует современное состояние источников. К тому же, согласно разделяемой нами блоковой концепции В. С. Бочкарева “культуры не появляются и не исчезают поодиночке” (1982), поэтому методически неверно выяснять происхождение отдельной культуры, и следует проанализировать процесс смены культур региона в целом.

История изучения памятников эпохи раннего металла на Западном Кавказе насчитывает почти два столетия. И все это время не ослабевает внимание исследователей к феномену мегалитических сооружений. Историография, подробно изложенная в работах В. И. Марковина (1978; 1994), насчитывает сотни названий монографий, статей и заметок. Однако несмотря на столь устойчивый интерес исследователей, проблемы культуры среднего бронзового века (далее – СБВ) Северо-Западного Кавказа далеки еще от решения. Отметим, что здесь нет недостатка в смелых гипотезах, причем одни и те же материалы рассматриваются с совершенно противоположных позиций. Прежде чем кратко остановиться на основных гипотезах, обратим внимание на принципиальное обстоятельство, препятствующее, на наш взгляд, положительному решению проблемы. Дело в том, что исследователями были ошибочно выбраны приоритеты при выделении культуры и попытках выяснения ее происхождения. В итоге, вместо культуры строителей дольменов (далее – КСД) изучалась “дольменная культура”, “культура дольменов” или даже “дольмены Западного Кавказа”, что нашло отражение в названии итоговой монографии В. И. Марковина и написанного им же раздела “Археологии России” (Марковин 1978; 1994). Поэтому, изучение культуры СБВ Западного Кавказа сводилось в основном к частной проблеме типологии и архитектуры погребальных сооружений, а происхождение всех компонентов культуры подменялось попытками выяснить происхождение дольменов путем сравнительного анализа мегалитов мира.

В результате, последние пятьдесят лет интенсивных исследований не принесли почти ничего нового для решения проблемы происхождения “кавказских дольменов”. Так, еще в конце сороковых годов Б. А. Куфтин указывал на близость культуры строителей кавказских дольменов к культурам Средиземноморья (1949). Сегодня В. И. Марковин связывает происхождение дольменов Кавказа с миграцией их строителей из Средиземноморья, из района Пиренейского полуострова (1994), причем аргументация практически не изменилась.

Неясно, какое отношение сравнительно-типологические исследования погребальных сооружений имеют к проблеме происхождения КСД Западного Кавказа, ведь ни плиточные дольмены (99,5% от всех построек), ни единичные подковообразные гробницы, ни одно из известных кавказских мегалитических сооружений не повторяют в точности пиренейские, да и какие-либо иные постройки за пределами

Кавказа. Не найдены на Кавказе и археологические материалы, позволяющие подобрать аналогии в культурах строителей мегалитов иных регионов. В то же время, одним из обязательных условий для принятия гипотезы миграции строителей дольменов на Кавказ является наличие археологических комплексов-калек исходного района такой миграции.

Именно принятый а priori тезис о миграции строителей дольменов привел исследователей к смещению приоритетов и к поиску происхождения кавказских памятников путем сравнения их с постройками других регионов.

Давно установлено однако, что мегалитическое строительство повсюду подчинялось единым закономерностям и в различных регионах обнаруживаются одни и те же основные типы сооружений: галерейные и коридорные гробницы, дольмены, цисты и т. п. Поэтому, следует, по-видимому, признать возможность полицентрического возникновения и освоения мегалитической традиции, как это уже признается многими исследователями в отношении катакомбного погребения. Дело в том, что большинство мегалитических сооружений, так же как и катакомбы, являлись формой реализации идеи склепового погребального обряда.⁴

Для выяснения происхождения мегалитической традиции Западного Кавказа решающее значение, на наш взгляд, имеет стилевое своеобразие большинства кавказских построек. Поскольку стиль не связан напрямую ни со строительным материалом, ни с функцией сооружения, то такое своеобразие может свидетельствовать об их местном происхождении.

Рассмотрим основные гипотезы, претендующие на решение вопросов типологии, происхождения и культурной принадлежности мегалитов Западного Кавказа. В основу своей типологии мегалитов В. И. Марковин положил схему Л. И. Лаврова. Все мегалитические сооружения Западного Кавказа отнесены им к дольменам. Наиболее ранние в типологическом ряду – плиточные дольмены без лаза. По сути это вовсе не дольмены, а каменные ящики (или цисты). Позднее появляются двухкамерные дольмены станицы Новосвободной с отверстием в поперечной плите. Еще позднее – дольмены с приставными порталами и, наконец, “обычные”, плиточные дольмены (Марковин 1978; 1994). Подобная схема эволюции “дольменной культуры” приводит, на наш взгляд, к нескольким противоречиям: каким образом объяснить эволюцию каменного ящика (плиточный дольмен без лаза) сначала в двухкамерную гробницу с отверстием в поперечной плите, а затем в наземный дольмен; как совместить предположения автора о принесении традиции сооружения мегалитов строителями дольменов и купольных гробниц Пиренейского полуострова, с его же утверждением, что на первом этапе на Кавказе не строили ни дольменов, ни купольных гробниц. Основное же противоречие состоит в том, что к “дольменной культуре” автор относит абсолютно все мегалитические сооружения, игнорируя стадиальные различия и различия в археологическом инвентаре. Так, ящики без лаза отнесены к энеолиту, новосвободненские “дольмены” с инвентарем майкопской культуры – к раннему бронзовому веку (далее – РБВ), а плиточные

⁴ Различные формы погребальных сооружений с камерой и входом-лазом объединяет, на наш взгляд, их семантика, то есть сходные представления о смерти-возрождении (переходе) и попадании на тот свет через поглощение тотемным животным (Пропп 1996). Мы склонны интерпретировать входное отверстие склепа (дольмена, катакомбы, гробницы) как имитацию пасти тотема, а камеру – как его чрево. Фрейдистское толкование отверстия дольмена В. И. Марковиным менее убедительно, поскольку сексуальной символике в обрядах перехода предшествует именно символика поглощения.

наземные дольмены содержали инвентарь культуры СБВ. Невозможно здесь объяснить, ни как в новосвободненские “дольмены” попал майкопский (инокультурный) инвентарь, ни почему “дольменная культура” фиксируется по своеобразному археологическому инвентарю только с эпохи СБВ, хотя по погребальным сооружениям она известна с энеолита. Ясно, таким образом, что попытка объяснения проблем археологической культуры из типологии погребальных сооружений, предпринятая В. И. Марковиным, потерпела неудачу.

Тем не менее, одновременно с В. И. Марковиным подобную попытку предпринял другой исследователь – В. А. Сафронов. Вновь отнеся к “дольменной культуре” все мегалитические сооружения Западного Кавказа, В. А. Сафронов объединил в рамках одной культуры найденный в них инвентарь (майкопский – РБВ и среднебронзовый). Далее, расширив границы культуры до реки Терек, В. А. Сафронов с легкостью подбирает “анalogии” ее обряду и инвентарю в ареале центрально-европейских культур шаровидных амфор и шнуровых керамик (Николаева, Сафронов 1974). В результате, по мнению автора, подтверждается гипотеза о миграции на Кавказ строителей дольменов из Центральной Европы. Позднее А. Н. Николаева дополняет гипотезу происхождения дольменов Западного Кавказа тезисом о средиземноморских походах кавказских носителей культуры шаровидных амфор, обогативших их культуру традицией сооружения наземных дольменов (1982). Методическая несостоятельность этой попытки также вполне очевидна.

В 80-е годы А. Д. Резепкин предложил новую типологию всех мегалитических сооружений Западного Кавказа, наиболее выверенную методически и логически обоснованную (1988). По его мнению, параллельный сравнительно-типологический анализ мегалитов Кавказа и Западной Европы должен привести к разрешению проблем происхождения и культурной принадлежности кавказских сооружений. А. Д. Резепкин предложил выделять на Кавказе две линии мегалитической архитектуры, аналогичные западноевропейским – галерейные и коридорные гробницы. Это позволило автору типологически отделить новосвободненские подкурганые сооружения (отнесенные к галерейным гробницам) от наземных построек (производных от коридорных гробниц). Поиск прототипов подкурганых гробниц ведется в Центральной Европе, в ареале культур воронковидных кубков (далее – КВК), а подковообразных гробниц (исходной формы наземных плиточных дольменов) – в Пиренеях, в ареале культуры Лос-Миларес. Гробницы и иные погребения новосвободненской группы дали богатый материал для возможных сопоставлений, в том числе и с КВК. Однако в подковообразных гробницах вообще не обнаружено инвентаря, пригодного для подобных сопоставлений, а инвентарь плиточных дольменов не имеет почти ничего общего ни с материалами культуры Лос-Миларес, ни какой-либо другой культуры с мегалитическими традициями за пределами Кавказа. Поэтому мы полностью разделяем парадоксальный, но вполне логичный вывод автора о местном, кавказском происхождении плиточных дольменов (Резепкин 1988). Зато участие культуры Лос-Миларес остается, на наш взгляд, пока не доказанным. Вызывает сомнение тезис о первичности подковообразных гробниц по отношению к порталным плиточным дольменам. На наш взгляд, этому противоречит “распыленность” немногих подковообразных гробниц по всему ареалу культуры, а также конструктивная особенность наиболее ранних (по А. Д. Резепкину) гробниц. Так, боковая плита гробницы № 330 в Гузерипле снабжена прямоугольным выступом, что привело к перекосу при установке перекрытия. Дело в том, что эта плита предназначалась для сооружения с порталными выступами. Следовательно, даже ранние подковообразные гробницы сосуществовали с порталными

дольменами, а не предшествовали им (в качестве прототипов). Имелись подобные выступы и у боковых плит наиболее ранней, по А. Д. Резепкину, подковообразной гробницы № 528 на р. Кизинке. Здесь в данной конструкции совмещены признаки пидиточного дольмена (портальные выступы, плоское перекрытие) и купольной гробницы (ложный свод, стела – опора для перекрытия). Пяточная плита имеет пазы для фасада и боковых порталных плит. Поскольку пяточных плит нет у многих дольменов с приставным порталом, эта конструктивная особенность позволяет отнести гробницу № 528 к типологически более развитым сооружениям, по сравнению с порталными дольменами. Наиболее наглядно сосуществование обеих типов построек демонстрирует мегалитический комплекс Псынако I под Туапсе (Тешев 1988). Здесь, в камере-голозе коридорной гробницы, установлен дольмен с выступами на боковых плитах.

Было бы неоправданным упрощением выстраивать все мегалиты Кавказа в одну, либо в две линии. Дело в том, что уже на раннем этапе – в РБВ – на Кавказе имелись различные типы сооружений: двухкамерные гробницы (Новосвободная – редуцированные галерейные гробницы, по А. Д. Резепкину); каменные ящики-цисты (ст. Саратовская, аул Кубина, Кишпек, Нальчик); ящик-склеп со входом (Псыбе); купольная гробница с ложным сводом (ст. Костромская). В упрощенную схему редуцирования не укладывается, на наш взгляд, и устройство гробницы Псыбе под Туапсе (Тешев 1986), ведь, по периодизации А. Д. Резепкина, это однокамерное сооружение предшествует всем остальным, в том числе двухкамерным гробницам (Резепкин 1989). Принципиальное отличие гробницы Псыбе от остальных новосвободненских гробниц состоит в том, что первая была бескурганым склеповым сооружением (с сохраняющейся возможностью повторных захоронений), а новосвободненские гробницы предназначались для одноактных элитарных погребений и не сохранили “родовой” признак, присущий всем мегалитическим погребальным сооружениям – их склеповый характер. С западноевропейскими дериватами (галерейными гробницами) новосвободненские двухкамерные сооружения нельзя соединить реальной цепочкой памятников. Примечательно, что такие гробницы характерны только для позднего этапа развития новосвободненской группы, когда социальная дифференциация затронула элиту общества (Резепкин 1989). Другими словами, мы полагаем, что процесс редуцирования галерейной гробницы в новосвободненскую двухкамерную постройку был одноактным, причем переработка старой мегалитической формы под новое содержание происходила именно в Закубанье.

Само существование гробницы-склепа Псыбе не только наглядно подтверждает тщетность попыток решить проблему происхождения мегалитов Кавказа на основании построения типологических схем, но и указывает направление дальнейших поисков решения этой проблемы. Это универсальность мышления “строителей мегалитов”, приводящая повсюду – и в Европе, и в Азии, и в Африке – к появлению сходных по конструкции монументальных склеповых сооружений. Активизация обмена и торговли в период освоения металла привела к созданию весьма протяженных сетей коммуникаций. С функционированием одной из таких сетей связано, вероятно, и распространение мегалитической традиции по средиземноморско-пантийскому бассейну. Но, поскольку нет распространявшегося вместе с мегалитическими сооружениями комплекса-кальки с какой-то из исходных археологических культур, то нет и оснований для принятия гипотезы об участии носителей этих культур в распространении традиции мегалитического строительства на

Западный Кавказ.⁵ Главное отличие в характере мегалитического строительства на Кавказе состоит в том, что в РБВ – на новосвободненском этапе – мегалиты были престижным элементом элитарной культуры (только в период краткого расцвета культуры РБВ), а в СБВ мегалитическая традиция впервые получает широкое распространение, став неотъемлемой частью общеплеменной “низовой” культуры. Что касается типологии, то нам представляется вероятным, что на раннем этапе мегалитического строительства СБВ на Западном Кавказе возводились постройки нескольких типов: плиточные дольмены с приставными порталными плитами, с порталными выступами; составные гробницы с ложным сводом; каменные ящики; гробница с шатровым перекрытием (р. Фарс) и т. п. Это был этап выработки формы и поиска оптимальных конструктивных решений. Все типы построек представлены единичными экземплярами. Позднее происходит стереотипизация погребальной архитектуры и “серийное” строительство плиточных “обычных” дольменов.

Рассмотренные нами примеры показывают, что даже самая убедительная типологическая схема оказывается несостоятельной, если с ее помощью пытаются выяснять происхождение археологической культуры, т. е. проблему, выходящую за рамки архитектуры и типологии погребальных сооружений. Дело в том, что здесь уже требуется привлекать все имеющиеся археологические материалы, не ограничиваясь одной какой-то стороной рассматриваемой культуры, в том числе погребальным обрядом. Обратимся к материалам КСД Западного Кавказа. Поскольку до сих пор эта археологическая культура находилась “в тени” своих мегалитических погребальных сооружений, необходимо заново произвести ревизию ее памятников и выделение культуры на основании всех имеющихся источников. Мы сознаем, что предпринятая нами попытка выделения КСД носит предварительный, рабочий характер.

Памятники КСД расположены в предгорной зоне и на среднегорьях с абсолютными высотами до 700 м. Поселения и стоянки приурочены к первым речным террасам притоков Кубани и к новочерноморской террасе на побережье. Известны стоянки в гротах и навесах, иногда располагающиеся на большей высоте (Гуамский грот – 1200 м над уровнем моря). Погребальные памятники располагаются на гребнях и склонах водоразделов и на поверхности высоких речных террас. Подобное расположение памятников характерно для носителей степных пастушеских культур, однако вся территория, занятая дольменами на Западном Кавказе, сегодня покрыта горными лесами. Исследователь кавказских дольменов В. И. Марковин полагает, что строители дольменов были жителями лесов (1994). По его наблюдениям, дольмены возводили в непроходимых зарослях, для передвижения по которым иногда приходится буквально прорубать путь тесаком (Марковин 1985). Такое расположение кавказских мегалитических построек противоречит отмеченному в других регионах строительству подобных памятников в условиях открытых степных ландшафтов. Однако новейшие исследования почвоведов на Западном Кавказе позволяют предполагать, что граница леса и степи в течение голоцена испытывала смещения, с чем связано обнаружение реликтов (вторых гумусовых горизонтов, палеокротовин и т. п.) в

⁵ Мигранты, хотя бы на раннем этапе, должны были воспроизводить известные им образцы построек. Однако все кавказские сооружения отличает своеобразие архитектурного облика. Более того, появление “неоправданных”, с функциональной точки зрения, конструктивных элементов, например, стелы-опоры в дольмене с плоским перекрытием на Кизинке или дольмена в толосе купольной гробницы Псынако I, подтверждает предположение о возведении дольменов именно аборигенами, осваивавшими новую и не всегда понятную им традицию.

почвах лесной зоны предгорий. Изучив почвы под древними курганами в пределах лесной зоны предгорий и среднегорий (на высотах 150–750 м над уровнем моря) и лесной подгорной равнины, А. Л. Александровский обнаружил здесь под серыми лесными почвами погребенные черноземы среднеголоценовой стадии. Это обстоятельство позволило исследователю высказать предположение, что в позднем голоцене (скифское время – V в. до н. э.) лесами оказалась покрыта широкая полоса (до 50 км) холмистых предгорий и частично подгорной равнины, ранее занятых степью (Александровский 1988). Таким образом, в атлантическую и суббореальную эпохи, соответствующие по археологической периодизации энеолиту и бронзе, нижняя граница горных лесов на Западном Кавказе проходила выше 700 м над уровнем моря. Следовательно, дольмены (как и курганы эпохи бронзы) возводили здесь в условиях открытых степных ландшафтов, обеспечивавших хороший обзор и восприятие этих монументальных построек. Верхняя граница горных лесов также испытывала в прошлом смещения за счет большего распространения зоны альпийской растительности. Поэтому немногие дольмены, расположенные на вершинах хребтов с абсолютными отметками более 1000 м (хребет Мезецу, Панавский и Чхалтинский хребты, Гузерипль, Бабук аул, Красная Поляна у горы Ачишхо) также возводились в условиях открытых ландшафтов. Сам факт строительства дольменов вне основного ареала объясняется их расположением вдоль перевальных путей, освоенных, по-видимому, уже в эпоху бронзы. Строгая ландшафтная обусловленность расселения племен строителей дольменов особенно наглядно проявляется, на наш взгляд, в совпадении верхней границы ареала дольменов с предполагаемой границей горных лесов в среднем голоцене. Трудно найти этому иное объяснение, ведь подходящий материал для строительства дольменов имелся и выше в горах. Итак, строители кавказских дольменов обитали на побережье и в холмистых предгорьях Закубанья в условиях открытых степных ландшафтов, ниже зоны горных лесов.

Дольмены – погребальные и культовые памятники КСД – обычно группируются в ряды, насчитывающие до 10–12 построек. Иногда такие ряды образуют крупные могильники. Самые грандиозные из них (дольменные поля) в Закубанье состоят из нескольких сотен памятников. Это Кизинка у ст. Баракаевской, Богатырская Поляна у Новосвободной, Дегуакская поляна у Даховской, Калмыцкая Поляна в верховьях р. Фарс. Существование таких крупных могильников предполагает высокую плотность населения КСД и определенную степень оседлости у ее носителей. Тем более, что в исследованных дольменах встречено, как правило, по 4–6 погребений, и каждый памятник мог служить семейной или родовой усыпальницей. Действительно, поблизости от крупных могильников обнаружены долговременные поселения КСД с мощностью культурного слоя 1,5–2 м. Площадь Дегуакского поселения у ст. Даховской достигает двух гектар, а разведанная площадь поселения Старчики у ст. Новосвободной – около четырех гектар. Около метра достигает средняя мощность культурных слоев эпохи средней бронзы на пещерных стоянках (в Большой Воронцовской пещере, Гуамском гроте). Культурный слой на приморских стоянках потревожен и сохранился только в многочисленных хозяйственных ямах. Но судя по их количеству и по интенсивности отложения битой керамики в ямах, эти стоянки также были долговременными. Во всяком случае, средняя мощность исследованных в Закубанье поселений КСД вполне сопоставима с мощностью исследованных там же поселений местной энеолитической культуры.

Анализ материалов из поселений и стоянок КСД свидетельствует о комплексном хозяйстве с преобладанием скотоводства и незначительной ролью земледелия (Рысин 1992). Так, трасологический анализ каменной индустрии из поселения Стар-

чики, проведенный в экспериментально-трасологической лаборатории ИИМК РАН под руководством Г. Ф. Коробковой, показал, что большинство исследованных орудий (42%) применялось для обработки продуктов животноводства. С земледелием было связано около 14% орудий (Шаровская 1985). Причем, если доля орудий для обработки продуктов животноводства в верхнем слое возрастает до 44%, то доля земледельческих орудий постоянно падает (2% в верхнем слое поселения). На поселениях не найдено сосудов для хранения зерна, единичными находками представлены вкладыши для жатвенных ножей, мотыги, зернотерки и т. п. О значительной роли животноводства свидетельствует насыщенность культурных слоев КСД осколками костей домашних животных – кухонных остатков. Судя по анализу фаунистических остатков (Марковин 1977), в стаде преобладал крупный рогатый скот (66%), на втором месте стояла свинья (24%), а на третьем – мелкий рогатый скот (10%). Единичными экземплярами костей на поселениях представлены лошадь, собака и дикие животные (тур, олень, косуля, медведь, волк, рысь, кабан и т. п.). В дольменах, в качестве жертвоприношений, встречены кости и зубы лошади, коровы, свиньи, овцы и челюсти собак. О переработке молочных продуктов свидетельствуют фрагменты керамических цедилек и маслоек из поселений КСД, а занятия рыболовством и собирание даров моря отражают грузила для сетей и створки морских раковин на приморских стоянках.

Очевидно, основные потребности в мясо-молочной пище обеспечивало разведение крупного рогатого скота и свиней в условиях придомного содержания скота. О составе стада и объектах охоты строителей кавказских дольменов дают представление также глиняные зооморфные фигурки из поселения Старчики. Они изображают быка, вола, корову, свинью, барана, бизона и кабана. Для приготовления мясной пищи предназначались, видимо, подставки-мангалы, найденные на поселениях. Значительная роль мясной пищи в рационе и в идеологических представлениях строителей дольменов косвенно подкрепляется характерным для их погребений вотивным изделием – бронзовым крюком со втулкой для рукоятки. По этнографическим параллелям установлено, что такой крюк мог использоваться для доставания мяса жертвенного животного из котла во время общественных церемоний и сопровождающих их трапез. Суммируя данные из поселений и погребальных памятников можно заключить, что носители КСД Западного Кавказа были оседлыми скотоводами, разводившими главным образом коров, свиней и в незначительном количестве – овец. Подсобная роль в их хозяйстве отводилась огородничеству и охоте, а в приморских районах – рыболовству.

Мы почти не располагаем данными о характере домостроительства племен КСД. Можно все же сказать, что это были наземные постройки прямоугольной формы с укрепленными у основания камнем турлучными стенами и перекрытием, опиравшимся на деревянные столбы. Полы были промазаны слоем глины. В помещениях обнаружены овальные и подковообразные очаги и одноярусные печи из камней и глины. На поселениях встречены обломки от очажных подставок (круглых и подковообразных), мангалов, сковород. На Дегуакском поселении исследована печь для обжига керамики и яма для отмучивания глины. Судя по характеру находок, поселения КСД являлись центрами общинного ремесленного производства.

На поселениях и стоянках КСД обнаружены сотни нуклеусов, орудий, а также отходов техники расщепления и производства орудий. В качестве сырья использовались желваки кремня коричневого, желто-коричневого, красно-коричневого и желтого (горчичного) цветов. Изредка встречаются орудия из качественного кремня

светло-серого цвета. Орудия изготовлены на отщепях.⁶ Найдены нуклеусы торцевого, призматического, призматико-пирамидального скалывания. Среди просмотренной коллекции представлены отбойники, ретушеры, долотовидные формы, скребки и скребла, серпы с прямым и зубчатым краем, ножевидные орудия, резцы, сверла, проколки, наконечники стрел, дротики. Встречаются скребки на вторично преобразованных (мустьерских?) артефактах. При изготовлении орудий из кремня применялась техника двусторонней обработки, особенно тщательно выполнены наконечники стрел, покрытые тонкой “струйчатой” ретушью. Для изготовления орудий использовались также известняки и доломиты и мелкокристаллические породы – базальты, змеевики, диабазы. Орудия из камня представлены, в первую очередь, значительной группой, связанной с металлургией и металлообработкой. Это песты и молоты для дробления руды; подставки-наковаленки; гладилки-выпрямители; наковальни дляковки; пассивные и активные абразивы; молоточки легкого и среднего действия для проковки и разгонки металла; оселки, в том числе с отверстием для привязывания; шарики для выдавливания ювелирных изделий из листового металла и т. п. Другая группа орудий из камня включает песты, терочники-абразивы, зернотерки, мотыги, шлифованные тесла, молоты с перехватом, грузила. Из камня также изготавливали полированные топоры-молоты, наконечники булавы, бусы и подвески (из хрусталя, сердолика, розового кварца, мергеля). Каменные орудия изготовлены при помощи пикетажной техники с последующей шлифовкой; отверстия проделаны двусторонним сверлением с использованием станкового сверла. О высоком уровне мастерства каменотесов и строителей свидетельствуют тщательно обработанные и подогнанные плиты дольменов с пазами для стыковки. При обработке поверхностей плит применялась пикетажная техника, терочники-абразивы, а в отдельных случаях зафиксировано применение металлических орудий типа стамески или зубила. Трасологический анализ орудий из камня и кремня из нижнего слоя поселения Старчики дал следующую картину распределения их по функциям: для обработки дерева использовалось 25% от общего числа орудий; для обработки кости – 19%; для кожевенно-скорняжных работ – 16%; для разделки туш – 7%; для металлообработки – 7%; для земледельческих работ – 14% (Шаровская 1985). Наблюдения над каменной индустрией КСД позволяют прийти к выводу о высокой степени специализации в этой отрасли деятельности. Можно выделить мастеров “стрелочников”, изготовителей парадных топоров и булавы, ювелиров, каменотесов, строителей мегалитических сооружений. Поскольку наблюдается стилистическое единство дольменов на обширной территории, поддерживаемое длительное время, должны были существовать “архитекторы”, планировавшие работу и руководившие строительством.

Металлурги КСД, скорее всего, использовали местные месторождения. Хотя древние рудники пока не обнаружены археологами, но косвенные данные, например, состав микропримесей в металле изделий (Галибин 1991), каменные орудия для обогащения руды (молоты, песты) свидетельствуют о добыче и первичной переработке руды на Западном Кавказе. Это подтверждается концентрацией памятников на маршрутах, ведущих к месторождениям цветных металлов (верховья Лабы, Белой, Зеленчука, Кяфара, горные районы Абхазии). Источники по металлообработке КСД включают данные из поселений, немногочисленную коллекцию из погребений, случайные находки и отливки орудий из долины р. Сочи. Последние, скорее всего про-

⁶ Предварительный типологический анализ коллекции из поселения Старчики произведен И. И. Коробковым.

исходят из клада, т. к. включают в основном бракованные отливки бронзовых топоров и тесел. Большая часть металлических изделий из дольменов найдена в Абхазии. Эти находки не дают представления о всем спектре продукции, кроме того, часть изделий была изготовлена в сачхерском центре металлообработки и отличается от закубанских по морфологическим признакам и по составу металла (Корневский 1981; 1983). Проанализированные выше орудия из камня указывают на сложность технологических процессов, использовавшихся в металлообработке, о существовании в СБВ специализации труда горняков, металлургов и кузнецов. Применялись различные, дифференцированные по составу сплавы. Мастерами КСД было освоено литье орудий по утрачиваемой восковой модели и литье в глиняные разъемные литейные формы. Проушина отливалась при помощи вставного глиняного сердечника. Применялась холодная и горячая ковка, волочение проволоки и разгонка листового металла. Ювелиры КСД изготавливали полусферические колпачки из листового металла, применяли технику пуансона и плакировки золотой фольгой.

В дольменах чаще всего встречаются височные подвески в 1,5 оборота, однако, ведущим изделием металлообработки КСД, как и для всего Кавказа в эпоху бронзы, является бронзовый проушной топор (Корневский 1981). Обломки от двух створок форм для отливки топора найдены на Дегуакском поселении (Марковин 1977). Из поселения Старчики происходят несколько фрагментов и одна целая створка формы для отливки топора. Несколько бракованных отливок проушных топоров найдено в долине р. Сочи (Воронов 1979). Бронзовые проушные топоры найдены в дольменах: ст. Абадзехская (вотивная модель?), сел. Отхара, сел. Верхняя Эшера, сел. Хуап. Топоры принадлежат к двум разновидностям: отлитые в форму со стороны брюшка (р. Сочи; сел. Эшери, дольмен № 5; сел. Хуап, дольмен № 1); отлитые в форму со стороны спинки. Топоры первой разновидности принадлежат к типу Сочи-Корца, по классификации С. Н. Корневского (Корневский 1981), а среди второй разновидности выделяется четыре типа орудий: тип Хабаз (Старчики; Дегуакское поселение), тип Привольное (Эшери, дольмен № VI, 1936 г.; отливки из р. Сочи), тип Начеркезеви (Эшери, дольмен № VI, 1937 г.), тип Корети (Отхара у дольменов; Эшери, дольмен № IV). Орудия типа Корети-импортные, произведенные в сачхерском центре металлообработки (Корневский 1983); топоры типа Начеркезеви изготавливались как на Западном, так и на Центральном Кавказе; орудия типов Сочи-Корца, Хабаз и Привольное являются продукцией северокавказских центров металлообработки.

Известно два плоских тесла. Одно, найденное в каменном ящике, в кургане № 8 могильника Клады имеет прямоугольную форму, а по пропорциям занимает промежуточное положение от новосвободненских к привольненским теслам. Другое тесло (вотивная модель?) происходит из дольмена ст. Абадзехской. Оно имеет удлиненные пропорции (по сравнению с привольненским) и слабо зауженную пятку. По пропорциям и по форме это изделие напоминает закавказские орудия (Марткопи, Сачхери).

Хотя в инвентаре КСД не встречаются бронзовые долота, резцы и стамески, об их существовании свидетельствуют следы от работы подобными орудиями на плитах дольменов (Марковин 1978). Следы работы позволяют реконструировать орудия с различной шириной рабочей части: 1,7 см; 2,5–3 см; 3–4 см. Встречаются на плитах параллельные канавки от орудия с зубчатой рабочей частью, наподобие “троянки” современных скульпторов (Марковин 1978). Следы на костях животных из поселения Старчики позволили Г. Ф. Коробковой предполагать использование долота или стамески с шириной рабочего края 0,8 см и бронзовой пилы.

Черенковые ножи и кинжалы представлены двумя разновидностями: с овальным, расширенным к закругленному концу клинком; с листовидным клинком. Среди орудий второй разновидности функционально выделяются ножи и кинжалы, а по морфологическим параметрам можно выделить несколько типов. Наиболее распространены узкие листовидные орудия с плоским сечением клинка. В Эшери и Отхаре найдены широкие листовидные орудия с ромбовидным сечением и боковыми желобками вдоль клинка. В дольмене могильника Клады обнаружены кинжалы с узким листовидным клинком, зауженным ниже плечиков. Почти все перечисленные типы ножей и кинжалов являются характерной продукцией северокавказских очагов металлообработки, распространенной также на обширных пространствах предкавказских и причерноморских степей. Лишь кинжалы с зауженным под плечиками клинком не известны на Северном Кавказе и являются аналогом закавказских и малоазийских орудий (Амиранис Гора, Сачхери, Соли, Текекёй, Икизтепе и т. п.).

Так называемые шилья – металлические обоюдоострые стержни квадратного или круглого сечения – встречаются и в погребениях, и на поселениях. Выделяются орудия с утолщением-упором. Шилья с утолщением найдены в нижнем слое поселения Старчики, погребении кургана № 8 на Кладах, у дольменов Эшери.

Втульчатые крюки считаются характерным изделием КСД. Выделяются крюки двух разновидностей: с литой втулкой (отлитые по восковой модели), с раскованной и свернутой втулкой. Втулки крюков, отлитых по восковой модели, украшены рельефным декором и насечками. Один такой крюк из Эшери был трезубый, а два других – однозубые. Крюки с раскованной втулкой украшены пуансонным декором. Недавно опубликован отлитый по восковой модели крюк из Успенского на Кубани (Лопатин 1993). Втулка его, как и у крюков из дольменов Эшери, украшена рельефными змейками, шишечками, спиралями. На наш взгляд, близость декора не случайна, ведь подобный орнамент часто встречается на другом вотивном изделии, характерном для инвентаря центральных районов Северного Кавказа и Предкавказья – бронзовой молоточковидной “булавке”. За близостью сюжетов орнаментации вотивных изделий стоит определенная близость идеологических представлений соседних племен.

Амулеты-“украшения”. Чаще всего в погребениях встречаются подвески в 1,5 оборота из круглой проволоки или из прута. Сечение подвесок круглое или овальное. Концы иногда слегка раскованы. В Эшери и в погребении на поселении Мешоко встречены спиральные пронизки из металлической ленты. Встречаются литые круглые бронзовые бусы. В дольменах Азанты найдены спиральная пронизка из проволоки, грибовидные и якоревидная подвески, булавка с биволютной головкой. В дольмене на Кладах найдены полусферические бронзовые кованые колпачки с пуансонным орнаментом. В каменном ящике на Кизинке (№ 215) найдено кольцо в один оборот с несомкнутыми концами из бронзового прута, плакированного золотой фольгой. По мнению В. И. Марковина, это сооружение является одним из наиболее архаичных в рамках дольменной культуры, как и найденное здесь височное кольцо (Марковин 1978), но на это можно возразить, что в эпоху ранней бронзы височные подвески обычно изготавливали из цельнолитого золотого прута или проволоки, а техника плакировки золотой фольгой более характерна для кавказских ювелиров СБВ. Височное кольцо из золотой проволоки найдено в многогранном дольмене на реке Фарс Н. Л. Каменевым (Куфтин 1949). Одно из украшений, дисковидная подвеска с ушком и литым шнуровым орнаментом из дольмена № 1/26 Кожжохской группы у ст. Каменноостской, может являться импортом из

соседних областей Центрального Предкавказья. Импортом из районов Северо-Восточного Кавказа может являться также булавка с биволлютной головкой, обнаруженная в дольмене сел. Азанта. Напомним, что памятники с подобными “чужеродными” находками располагаются вдоль удобных перевальных путей, связывающих различные регионы Кавказа. Втульчатый наконечник дротика (литой) с коротким листовидным пером найден в дольмене № 2 сел. Солоники (Марковин 1978). Судя по малому диаметру втулки (1,2 см), это был наконечник дротика (а не копья, как полагает В. И. Марковин). В составе металла этого орудия обнаружено 1,5% олова, поэтому следует быть осторожным при его культурной атрибуции. На наш взгляд, погребение в дольмене сел. Солоники с наконечником дротика скорее всего совершено в эпоху поздней бронзы, уже после угасания КСД (как и погребения в верхних слоях эшерских дольменов).

Примечательны находки металлического мерного слитка и литейных форм для их изготовления. Слиток в форме параллелепипеда найден в дольмене на левом берегу реки Фарс, напротив поселения Старчики (раскопки А. Д. Резепкина). Формочка для отливки дисковидного слитка происходит из погребения кургана № 8 мог. Клады. Эта формочка была обнаружена на перекрытии каменного ящика, содержавшего в составе инвентаря бронзовый крюк, нож, шило, каменное и бронзовое тесла и каменные орудия для металлообработки.⁷ На поселении Старчики найдены фрагмент от дисковидного слитка и несколько фрагментов форм для отливки веретенообразных мерных слитков, подобных формочкам из погребений литейщиков в Приазовье (Малая Терновка, Лебеди и т. п.). Такие слитки могли служить в качестве гирек-разновесов при торгово-обменных операциях по импорту сырья для металлообработки. Система подобных разновесов, в основе которой лежал весовой эквивалент-сикль, сложилась на Древнем Востоке и через малоазиатских и южнокавказских посредников могла достичь Северного Кавказа. Использование подобной весовой системы установлено для Приазовья и предкавказских степных районов (Кубышев, Черняков 1985). Однако очевидно, что в дальние торговые связи должен был быть включен и Северный Кавказ, ведь именно этот регион являлся поставщиком сырья и технологий для окружающей степной зоны в эпоху раннего металла. Находки слитков и литейных форм для их производства в ареале КСД позволяют замкнуть цепочку торгово-обменных связей Древнего Востока и Причерноморья через Западный Кавказ. Вхождение Кавказа в систему древневосточной торговли подтверждается, на наш взгляд, также явным предпочтением, отдаваемым серебру при изготовлении амулетов-“украшений” с начала СБВ (как известно, именно серебро служило основным мерилем стоимости товаров на Древнем Востоке).

Основу для выделения керамического комплекса КСД составляют материалы из поселений, а не из погребальных памятников. Дело в том, что большинство из 160 раскопанных дольменов были ограблены либо ритуально очищены и содержали лишь разрозненные материалы, относящиеся к периоду существования КСД. В немногих неограбленных дольменах и погребениях иного типа также почти не найдено сосудов, что связано с особенностями обрядовой практики. Целые сосуды обычно встречаются у входного отверстия дольмена и связаны с ритуалами жертвоприношений. Здесь представлен ограниченный набор типов посуды, в основном состоящий из кружки, кубка, горшка, миски или чаши. Иногда встречаются вотивные миниатюрные сосуды, специально предназначенные для жертвоприноше-

⁷ Выражаю признательность А. Д. Резепкину за разрешение использовать этот неопубликованный материал из его раскопок 1980 и 1990 гг.

ний. На поселениях, напротив, представлен весь спектр типов бытовавшей посуды, к тому же стратиграфические наблюдения позволяют здесь проследить эволюцию керамического комплекса КСД. Сопоставление материалов из дольменов и поселений позволяет также выявить представленную в инвентаре погребений импортную, чужеродную керамику. Ранее предпринятые сопоставления керамики из погребальных и бытовых комплексов подтверждают их однокультурность (Марковин 1977; 1978; Рысин 1992а; 1992б; 1994).

Рассмотрим керамический комплекс КСД по трем параметрам: технологическому, морфологическому, декоративному. Все сосуды вылеплены вручную (по способу донного начина) и были плоскодонными. Применялся жгутовой метод формовки. Стенки сосудов наращивались на блоковидно изогнутый край донца. При изготовлении крупных сосудов применялся плетеный каркас из прутьев, оставлявший глубокие бороздки на внутренней поверхности горшков. Сосуды снабжались петельчатыми ручками и ручками-выступами. Ручка прикреплялась при помощи глиняного шпенька, продетого в отверстие стенки сосуда наподобие металлической заклепки. В качестве отошителей применялись дресва (дробленый кварцит), известняк (мергель, кальцит), редко – дробленые раковины или речной песок.⁸ Частицы слюды, входящие в состав отошителя, придают поверхности посуды нарядный блеск. Выделяется группа керамики с ракушечником в качестве отошителя и особой технологией обжига, создающей черную поверхность при светлом бежевом черепке. Это так называемая керамика со светлой подкладкой. Ее поверхность обычно до блеска залощена. Сосуды обжигались костровым способом или в примитивных печах. Обжиг средний, в центре черепка часто заметна серая прослойка. Встречаются сосуды с хорошо обожженным черепком. Особенно прочный черепок у сосудов с кварцевой дресвой в качестве отошителя. Цвет посуды черный, темно-серый, коричневый либо светло-серый, охристый, бежевый, красно-коричневый, желтый. Поверхность посуды выравнивалась “гребенкой”, заглаживалась, реже тщательно полировалась. Встречаются фрагменты от сосудов, покрытые ангобом коричневого, красного, желтого цветов.

Комплекс насчитывает три десятка типов сосудов. К наиболее распространенным типам относятся следующие: кружка, кубок, горшок, “амфора”, кувшин, миска, чаша. Выделяются также более редкие типы: реповидный горшок, чайник, бокал, курильница, цедилка, миниатюрный сосуд. Сосуды закрывались дисковидными керамическими крышками. *Характерные морфологические признаки:* подчеркнутый желобком или валиком переход от шейки к плечикам; утолщение края венчика на лепным “воротничком”; отогнутый наружу край венчика реповидных горшков (иногда снабжался бортиком для установки крышки); завернутый внутрь край венчика мисок и чаш; дно сосуда слабо выгнуто внутрь; сдвоенные петельчатые ручки; дольчато-разделенные ручки-выступы, напоминающие ручки в виде “флейты Пана” средиземноморских культур; на приморских стоянках зафиксированы трубчатые ручки и ручки с подтреугольной площадкой сверху (анalogии последним известны из новотитаровского погребения в Приазовье, Гинчинского могильника в Дагестане и “беденского” слоя поселения Бериклдеби в Закавказье); характерно подражание в керамике металлической столовой посуде.

⁸ Намечаются локальные особенности керамического комплекса КСД. Так, нами зафиксировано, что на поселениях у Геленджика и Новороссийска в качестве отошителей керамического теста применялись только известняки – мергель, кальцит, изредка раковина(?) и мелкий песок. Применение же дробленого кварцита здесь не отмечено (Рысин 1992а).

Декоративные параметры. Декор встречается на 40% сосудов. Орнаментировались обычно плечики, ручки сосудов и край венчика мисок и чаш. Изредка встречаются пышно орнаментированные сосуды (средних размеров горшки) с декором, покрывающим все тулово и шейку. Приемы нанесения орнамента различны: накол, налеп, прочерченный, желобчатый, каннелюры, штамп, пуансон (так называемый жемчужный орнамент). Характерно сочетание двух, трех приемов нанесения орнамента, например, накол и прочерченный; штамп и накол; налеп, накол и прочерченный и т. п. Наиболее распространенный мотив – пояс наколов под шейкой горшков со спускающимися на плечики треугольниками, “полотенцами” или зигзагами. Иногда поверхность небольших горшков и кружек целиком покрыта расчесами “гребенки”, создающими своеобразный декоративный эффект. Только на чернолощенных сосудах со светлой подкладкой встречается рельефный орнамент из желобков, налепных валиков и шишечек. Прослеживается определенная эволюция керамического комплекса. Так, для раннего этапа характерно подражание металлической посуде, гладкая поверхность сосудов скупо орнаментирована, петельчатые ручки украшены каннелюрами. На среднем этапе характерен “пышный” декор, применение различных способов нанесения орнамента, покрывающего большую часть тулова сосуда. На позднем этапе заметна небрежность в нанесении декора, встречаются “перевернутые” сюжеты, преобладает накол и гребенчатый штамп.

Керамический комплекс КСД отличает оригинальный набор типов, характерные технологические приемы формовки, своеобразие способов нанесения и мотивов орнаментации. Характерная черта керамического комплекса – изготовление миниатюрных сосудов. Встречаются культовые сосуды – курильницы на поддоне и на отдельных ножках.

Характерная особенность декора керамики КСД – разнообразие деталей орнаментации однотипных сосудов. При этом отличия распространяются на способы нанесения, элементы и мотивы орнамента, не затрагивая его композиции. Можно предположить, что именно композиционная схема, повторяющаяся на множестве сосудов, несла семантическую нагрузку. Такой общей схемой являлся горизонтальный пояс под шейкой со спускающимися на плечики зигзагами или треугольниками. Эта композиция при взгляде на сосуд сверху представляет собой солярный символ, обрамленный зигзагом, который обычно трактуется применительно к древним семантическим системам как символ воды и змеи. Подобная символика отражена в декоре металлических украшений СБВ Северного Кавказа. С декором металлических вотивных предметов перекликается и рельефный декор из валиков и шишечек и выдавленные “жемчужины” на посуде КСД. Сопоставляя стиль декора керамики КСД Западного Кавказа с декором металлических изделий и керамической посуды соседних регионов, можно высказать предположение, что в эпоху СБВ существовал единый стилиобразующий канон для всего Северного Кавказа. Это изображение веревочки (тесьмы) и зигзагообразно изогнутой змеи (реже – спирально закрученной). Этот канон был понятен и жителям прилегающих к Кавказу степных районов, где распространялись кавказские вотивные металлические изделия. Другая характерная особенность посуды КСД – высокая степень индивидуализации в деталях исполнения, обработке поверхности и орнаментации. В коллекции керамики нет двух полностью идентичных сосудов (однотипных). Скорее всего это связано с домашним характером производства керамики.

Среди поселенческой и дольменной посуды выделяется чужеродная, импортная керамика. Так, курильницы (у фасада дольмена № 497 на Кизинке и в дольмене

на р. Фарс,⁹ напротив пос. Старчики) отличаются от посуды КСД и по характеру глиняного теста, и по орнаментации. Подобные курительницы встречаются в погребениях соседних племен к востоку и северо-востоку от ареала КСД (степное Закубанье, Ставрополье, Кавминводы). Сам факт использования подобных вотивных сосудов в обряде погребения КСД свидетельствует о родственном характере связей древних племен. Тем более, что миниатюрные курительницы на ножках найдены и на поселении Старчики. К импортной посуде, либо к подражаниям можно также отнести керамику с редким для КСД декором: оттисками веревочки, спирального и треугольного штампов, наколами ногтем, “елочным” декором, нанесенным гребенчатым штампом. Такая посуда или ее фрагменты, изредка встречаемые на поселениях и в дольменах, могли попасть на памятники КСД из ареала соседних племен западной и центральной частей Предкавказья, где она обнаруживается в погребениях, а в последнее время и на поселениях СБВ (Кавминводы, Ставрополье, верхнее Закубанье).

Кроме сосудов различного бытового назначения керамисты КСД изготавливали иную продукцию. Это “культовая” керамика: курительницы, миниатюрные сосуды, модели колес повозок и мелкая пластика. Из глины формовались также очажные подставки, мангалы, сковороды и керамика производственного назначения: тигли, льячки, литейные формы, пряслица и т. п.

Статуэтки животных из пос. Старчики отличаются как по размерам, так и по мастерству исполнения. Видимо, они были изготовлены разными людьми (что, как и в случае глиняной посуды, может свидетельствовать о рассредоточенности керамического производства). Объединяет зооморфные статуэтки Старчиков стиль (канон), которого придерживались все изготовители. Он складывался из следующих признаков. Это, во-первых, схематизм и лаконичность скульптурок: туловище обычно удлиненное, овальное в сечении, ноги переданы короткими коническими выступами. Во-вторых, акцент в передаче видовых признаков перенесен на морду – она исполнена в натуралистической манере, с деталями (рога, нос, уши), подчеркивающими видовое сходство. Еще одна деталь, придающая скульптуркам сходство с оригиналом – хвост в виде налепа или защипа. Наконец, к формирующим признакам можно отнести передачу половых признаков животных. Итак, стиль зооморфной пластики из Старчиков можно определить как схематичный в целом при натуралистической передаче деталей. В морде фигурки вола проделано сквозное отверстие для “запряжки” в модель повозки (?). Это предположение подкрепляют найденные на поселении модели колес с выступающими ступицами. Все фигурки повреждены или разбиты, по-видимому, при совершении каких-то обрядов. На Дегуакском поселении найдена головка от антропоморфной глиняной статуэтки (Ростунов 1983). Головка уплощена, нос передан защипом, глаза – наколами. По моделировке головы статуэтка из Дегуакского поселения не отличается от антропоморфных скульптур из Катарагач-Тапа, Серженьюрта и Великентского поселения. Аналогичная статуэтка происходит из Малой Азии (Троя II–V). Из дольмена № 3 сел. Хуап в Абхазии происходит сидящая женская фигурка, стилистически близкая ульской статуэтке (Цвинария 1990). Последнюю традиционно связывают с Восточным Средиземноморьем, Малой Азией и Балканами (Веселовский 1910; Пиотровский 1984). Особое значение для избранной нами темы имеет стилистическая близость антропоморфных статуэток (и обнаружение их в составе погребального инвентаря) Западного Кавказа, Предкавказья и эгейско-малоазийского регио-

⁹ Раскопки А. Д. Резепкина, 1990 г.

на. Данная параллель не может быть случайной и, как мы попытаемся показать ниже, отражает пути формирования культур СБВ на Северном Кавказе.

Погребальный обряд КСД. Как это ни парадоксально на первый взгляд, но погребальный обряд КСД сегодня относится к наименее освещенной стороне этой культуры. Дело в том, что изучались до сих пор в основном сами погребальные сооружения, а данные об обряде и инвентаре были неполными. Из известных сегодня около 3000 дольменов археологически изучено не более 6%, причем методика раскопок далека от совершенства. Из дольменов было получено менее двух десятков закрытых комплексов с инвентарем и информацией об обряде. Поэтому выводы об обрядовой практике племен КСД имеют пока предварительный характер. Прежде всего, следует уточнить, что захоронения в дольменах были не единственными типами погребения у носителей КСД Западного Кавказа. К такому выводу можно прийти уже только потому, что в дольменах почти не встречаются детские погребения. Применение более совершенной методики раскопок – исследование площади вокруг дольменов – позволило изучать ряд из дольменов как архитектурный комплекс и привело к обнаружению перед дольменами безинвентарных костяков, лежавших скорчено на боку (Цвинария 1990). В полностью исследованном могильнике Клады у ст. Новосвободной А. Д. Резепкин обнаружил кроме захоронений в дольменах, иные типы погребений СБВ: подкурганые в каменных ящиках (на боку скорчено и вторичное погребение декарнированных костей); в грунтовой яме (вытянуто на спине). Подобное погребение было введено здесь и в курган, исследованный Н. И. Веселовским (Попова 1963). Вытянутые на спине погребения в грунтовых ямах обнаружены на поселении Мешоко (Формозов 1972). Грунтовый могильник СБВ со скорченными на боку костяками (на гальке), под каменными обкладками исследован А. В. Дмитриевым и П. А. Кононенко на морском побережье под Новороссийском (могильник Дюрсо).¹⁰ А. В. Дмитриевым недавно под Новороссийском была обнаружена вырубленная в меловом грунте скальная гробница-катакомба. В этой катакомбе найдены два скорченных на боку костяка, сопровождавшихся крупным двуручным сосудом, характерного для поселений КСД типа.

В Красной Поляне в каменных гробницах круглой и овальной формы найдены как индивидуальные погребения скорченных на боку костяков, так и коллективные вторичные погребения декарнированных костей. В гротах и навесах на побережье встречены одиночные скорченные на боку костяки с инвентарем (“украшениями”) СБВ (Соловьев 1960). Можно констатировать, что для носителей КСД был характерен бескурганый способ погребения. Превалирует обычай вторичного погребения декарнированных костей. Кроме погребений в дольменах встречаются захоронения в каменных ящиках; гробницах с ложным сводом, наземных либо углубленных в грунт (Красная Поляна);¹¹ в грунтовых ямах. Вне дольменов встречаются как вторичные погребения, так и труположения (скорченные на боку, выпрямленные на спине). Характерна подсыпка из гравия или гальки на дне могил; охра встречается в небольших количествах; обычно в могилах встречаются следы огня и угольки. Инвентарь редок; чаще всего это “украшения” (подвески, пронизки, бусы, пуговицы), реже встречаются глиняные сосуды (кружка). В склепе Красной Поляны с вторичными

¹⁰ Благодарю А. В. Дмитриева и П. А. Кононенко за сведения об этом памятнике.

¹¹ Нам представляется не случайной конструктивная близость круглоплановых склепов с ложносводчатым перекрытием в Красной Поляне, Азанте, Гинчинском могильнике в Дагестане с постройками из Восточного Средиземноморья, в частности, с Кикладских островов.

погребениями найдены миниатюрные сосуды. Только в каменных ящиках могильника Клады найдено оружие (кинжал) и другой инвентарь.

В самих дольменах, как правило, совершались вторичные погребения декарнированных костей. Кости складывались кучкой (в мешке),¹² без анатомического порядка, часть костей посткраниального скелета отсутствует. Часто можно проследить тенденцию укладывать череп поверх длинных костей конечностей (видимо, такое расположение костей привело к распространенному заблуждению, что в дольменах погребены “сидячие” костяки). Иногда в дольменах встречается галечная или гравийная подсыпка, каменный пол из плиток; зафиксированы крупинки охры; как правило, встречаются угольки. Вторичные погребения встречаются в дольменах различных типов – с приставным порталом, в плиточных без портала, в составных и корытообразных. Обычно в дольмене погребены кости 4–6 покойников, иногда их число доходит до 30 (Эшери, дольмен № VII). В. И. Марковин предполагает, что на раннем этапе развития дольмены использовались для индивидуальных, скорченных погребений (1978). Однако в качестве примера им приведены “дольмены” Новосвободной, содержащие погребения совершенно иной культуры и эпохи. Другой его пример – одиночное погребение в “дольмене” № 215 на Кизинке, также несостоятелен, ведь сооружение № 215 это не дольмен, а каменный ящик. Как уже отмечалось выше, главное отличие каменных ящиков от дольменов мы видим в склеповом характере погребений в последних. Индивидуальные погребения обнаружены в подкурганых дольменах мог. Клады (раскопки А. Д. Резепкина). Эти памятники были предназначены для элитарных погребений и использовались в качестве культовых центров, как и мегалитический подкурганный комплекс Псынако I под Туапсе.

В немногих, не подвергавшихся ограблению или ритуальному очищению дольменах представлен скудный инвентарь. Причем собственно сопровождающий инвентарь следует отделять от жертвоприношений и посвященных даров. Вместе с декарнированными костями встречаются височные кольца, пронизки, бусы, шило. В качестве жертвоприношений можно рассматривать размещенные возле передней плиты сосуды (обычно один, два), нож, шило и кости животных (челюсти собаки). Встречаются вотивные изделия – курильницы, жаровни. Для погребальной практики, по-видимому, характерна символическая замена реальных предметов вотивными моделями. Так, в дольмене ст. Абадзехской обнаружены модели бронзового топора, тесла и крюка; встречается в погребениях КСД миниатюрная посуда и специально изготовленная низкокачественная керамика – тоже как вариант вотивной модели. Число сосудов и металлических изделий всегда меньше количества костяков. Например, на 30 костяков в дольмене № VII сел. Верхняя Эшера приходится 4 сосуда; на 6 костяков в дольмене № 84 Дегуакской поляны – 3 сосуда и т. д. К индивидуальному инвентарю, кроме амулетов-“украшений” можно отнести единичные экземпляры металлического оружия (топоры, кинжалы) и втульчатые крюки. Эти находки маркируют погребения лидеров общин. Если предположить, что каждый дольмен является усыпальницей большой патриархальной семьи, то присутствие крюков и металлического оружия лишь в нескольких дольменах может указывать на принадлежность подобного статусного инвентаря лидерам наиболее

¹² Фиксируемое археологически и этнографически завертывание покойника в шкуру (одевание в меховую одежду) или зашивание в шкуру при вторичном погребении мы интерпретируем как символическое поглощение погребенного тотемным животным (превращение в тотемное животное) при переправе его на тот свет.

знатных и почитаемых семей (родов, кланов, линиджей), образующих элиту КСД. Неполнота данных не позволяет установить, фиксировал ли обряд КСД производственную специализацию погребенных. Инвентарь производственного назначения обнаружен в двух погребениях (курган 8 мог. Клады, каменный ящик; дольмен V под курганом № 39, напротив поселения Старчики). Однако особенности обряда и характер погребального сооружения, а также вхождение в состав инвентаря статусных предметов (крюк, кинжал) позволяют интерпретировать эти погребения как элитарные. Их инвентарь отражал не профессиональную специализацию, а высокий прижизненный статус погребенного. Здесь, как и в погребениях новосвободненских вождей (Бочкарев и др. 1983), в инвентаре сочетаются оружие, орудия производства, votивные предметы, атрибуты торговцев (форма для отливки мерного слитка и сам такой слиток) и украшения. Скучность сопровождающего инвентаря в дольменах отражает, видимо, своеобразные представления об обрядах перехода в иной мир. Кстати, в соседних районах Предкавказья, судя по наблюдениям С. Н. Корневского на Кавминводах, наблюдается сходная тенденция – мужские погребения высокого социального статуса сопровождал скудный инвентарь (височное кольцо, резе – каменный топор). Часто они были безинвентарные. Но при этом они всегда занимают центральное место в кургане и отличаются характером погребального сооружения – глубокая яма, перекрытая камнем или бревнами, каменный ящик. Такие погребения сопровождалась каменной насыпью или досыпкой (Корневский 1989). Очевидно, высокий социальный статус погребенного отражался здесь не обилием инвентаря, а большими трудозатратами на погребальное сооружение. Эта тенденция фиксируется и на материалах ямной КИО, что отражает, по-видимому, эпохальные представления, а, возможно, свидетельствует об усилении степных влияний в культурах Северного Кавказа на начальном этапе СБВ. Погребальный обряд КСД позволяет выделить следующие группы (взрослых) погребенных с различным прижизненным статусом: 1) безинвентарные погребения на площади возле дольменов; 2) погребения в дольменах без инвентаря; 3) погребения в дольменах, сопровождаемые амулетами-“украшениями” (височное кольцо, бусы, подвески), шилом; 4) погребения в дольменах с “украшениями” и статусным инвентарем (крюком, кинжалом, топором, теслом). Особый статус имели, видимо, погребенные в каменных ящиках. По сопровождающему инвентарю их можно приравнять к четвертой группе. Погребения в гробницах Красной Поляны и в могильнике Дюрсо по статусу сопоставимы со второй группой. Определяющий признак – отсутствие здесь металлических изделий.

По данным археологических источников можно составить лишь самое общее представление о социальной организации племен КСД Западного Кавказа. Все же, косвенные признаки позволяют предположить, что это было общество с оформившейся социальной элитой. Прочная оседлость, продуктивное скотоводческо-земледельческое хозяйство, высокая плотность населения (резко выросшая по сравнению с предшествующей эпохой, судя по количеству погребальных памятников), большая площадь ареала культуры (более 20000 км²), осуществление массового мегалитического строительства на протяжении нескольких веков (при сохранении единого канона и стиля), наконец, само сохранение культурной целостности и своеобразия – все это предполагает наличие надобщинных организационных структур. К функции предполагаемой элиты можно отнести также стимулирование ремесленной специализации, подтверждаемой анализом металлообработки и каменной индустрии КСД. Только оформившаяся социальная элита могла осуществить экспансию КСД в горные районы Абхазии и Верхнего Закубанья для контроля

над транскавказскими перевальными путями и дальними торгово-обменными операциями. Существование развитой социальной стратификации у племен КСД подтверждается обнаружением индивидуальных погребений со статусным инвентарем (группа 4 по нашей классификации) и культовых центров. Такие центры найдены во всех районах ареала КСД, отличающихся локальными особенностями архитектуры погребальных памятников (Дмитриев 1992). Если судить только по редкости погребений с оружием, военная функция в обществе КСД была очень низкой. Однако, на наш взгляд, реальная значимость военной функции скорее не находила отражения в погребальном обряде в силу особенностей идеологических представлений. Мы уже пытались продемонстрировать это на примере бронзовых проушных топоров, ведь этот ведущий тип оружия СБВ почти не встречается в погребениях, хотя на Западном Кавказе об изготовлении топоров свидетельствуют находки литейных форм и бракованных отливок. В погребениях лиц с высоким статусом найден другой вид специализированного оружия – бронзовый кинжал. К оружию ближнего боя относятся также каменные топор-молот и булава. Оружием служили также лук и дротик. Косвенно существование военной элиты подтверждают и другие наблюдения, например, упомянутая экспансия в горные районы Закубанья и Абхазии; установление тесных взаимоотношений с племенами соседних регионов (маркируемое импортами), в первую очередь, Имеретии, являвшейся крупнейшим центром металлургии, металлообработки и производства оружия на Кавказе в эпоху бронзы. В качестве рабочей гипотезы можно высказать предположение, что на Западном Кавказе в эпоху средней бронзы сложилось социальное устройство предгосударственного уровня – вождество (Бочкарев 1991; 1995; Массон 1991). Во всяком случае, здесь фиксируются некоторые признаки, характеризующие общества подобного типа: социальное ранжирование; выделение элиты с военными функциями, контролировавшей торгово-обменные операции и соответствующую инфраструктуру; ремесленная специализация; массовое строительство монументальных сооружений; существование культовых центров. К этому можно добавить, что племена Западного Кавказа в эпоху средней бронзы осуществляли трансляцию элементов своей культуры в обширном регионе, что также свидетельствует о сравнительно высоком уровне социальной организации.

До сих пор остается открытым вопрос о культурной принадлежности памятников Западного Кавказа, предшествующих КСД. Поэтому сравнительный анализ материалов КСД и памятников РБВ необходимо предварить кратким экскурсом в проблему относительной периодизации и культурной атрибуции памятников эпохи раннего металла Северного Кавказа. А. А. Иессен впервые обосновал выделение майкопского и новосвободненского этапов РБВ Северного Кавказа (1950). В дальнейшем эта точка зрения эволюционировала в направлении создания более дробной периодизации и выделения третьего промежуточного этапа (Формозов 1965; Мунчаев 1975). Анализируя материалы многослойного поселения Мешоко, А. Д. Столяр (1964, 1996) сформулировал гипотезу о двуприродности культуры раннего металла Северного Кавказа, выделив в ней автохтонный (новосвободненский) и инокультурный (передневожесточный?) компоненты. Заметим, что А. А. Иессен (1950) также склонен был интерпретировать снижение качества керамической посуды из погребений новосвободненского этапа, по сравнению с керамикой из майкопского кургана, как свидетельство усиления автохтонного компонента в культуре РБВ. Исследование поселений в Закубанье и появление гипотезы А. Д. Столяра инициировали новое направление в изучении эпохи РБВ Северного Кавказа. Появилась работа В. А. Сафронова и Н. А. Николаевой, в которой по результатам сравнительного анализа керамики и

погребального обряда полярно разведены майкопский-древневосточный и новосвободненский-центральноевропейский компоненты, а для автохтонного компонента вообще не нашлось места (Николаева, Сафронов 1974). В 80-е годы в результате активизации археологических исследований на Кавказе и в прилегающих областях были получены новые данные о поселениях и погребениях эпохи раннего металла, анализ которых усилил позиции сторонников многокомпонентности майкопской культуры.¹³ Исследование могильника Клады в Закубанье позволило А. Д. Резепкину обосновать выделение новосвободненской группы памятников РБВ, включаемой им в блок культур воронковидных кубков (Резепкин 1989). Другой компонент – передневосточный, выделяется на материалах поселений и могильников подгорных равнин Предкавказья (Корневский 1993; 1996; Мунчаев 1975). На основании изучения поселения Свободное на Кубани А. А. Нехаев обосновал гипотезу о домайкопском характере поселений Свободное, Замок и всей свиты поселений в долине р. Белой (1992). Эта точка зрения нашла поддержку и у других исследователей (Корневский 1993; 1996а; Трифонов 1987; 1996б). Утверждение такого подхода создает ситуацию, когда из памятников РБВ Северного Кавказа как бы выпадает автохтонный, собственно кавказский компонент, что нашло отражение и в новом названии майкопской культуры: майкопско-новосвободненская общность (Корневский 1994). Наиболее развернутая аргументация предмайкопского характера поселений с “накольчатой жемчужной керамикой” представлена в работах С. Н. Корневского (1994; 1996а). Однако ряд фактов не менее убедительно свидетельствует о сосуществовании автохтонных и инокультурных памятников эпохи раннего металла (Формозов 1994; Резепкин 1989; 1991; 1993; 1996; Рысин 1991; 1994). Вывод очевиден: если факты не соответствуют принятой концепции, следует изменить концепцию, а не пытаться отвергать или игнорировать факты. В нашем случае ошибочна сама постановка вопроса, относятся ли поселения с “накольчатой жемчужной керамикой” к энеолитической предмайкопской стадии или к периоду майкопской культуры РБВ (Корневский 1996а).

Учитывая стратиграфические наблюдения на поселениях долины р. Белой, в первую очередь, на многослойном поселении Мешоко; находки майкопских импортных на поселениях с накольчатой жемчужной керамикой; находки каменных браслетов в новосвободненских погребениях;¹⁴ майкопскую керамику в заполнении погребений Нальчикского могильника, мы предложили для автохтонных памятни-

¹³ Гипотеза о многокомпонентности майкопской культуры может быть подтверждена только анализом массового материала. Такая работа уже начата (в частности, С. Н. Корневским, А. А. Нехаевым, А. Д. Резепкиным, В. А. Трифоновым). Автора к принятию этой гипотезы привело наблюдение, сделанное им в начале 80-х гг. Участвуя в работах А. Д. Резепкина на могильнике Клады, я обратил внимание на отличие в орнаментации посуды из погребений у ст. Новосвободной и поселений долины р. Белой. Дело в том, что на посуде из новосвободненских могил не встречаются выдавленные изнутри “жемчужины” (как на поселенческой керамике), а есть только наклепные шишечки. Традиционно именно “жемчужины” считались характерным приемом орнаментации керамики позднего (новосвободненского) этапа майкопской культуры. В то же время, присутствие на посуде из погребений и поселений идентичного по композиции, но выполненного в различной технике декора свидетельствует, вероятно, о синхронности и разнородности памятников.

¹⁴ Отвечая на замечание С. Н. Корневского (Корневский 1996а), уточняем, что обнаружение 30 сланцевых браслетов в погребении у хут. Важного вместе с керамикой типа Костромская-Иноземцево зафиксировано в описи находок, сданных Х. Х. Биджиевым в Краеведческий музей г. Черкесска.

ков Закубанья, Кавминвод и Кабардино-Балкарии название – субстратные энеолитические памятники (Рысин 1991). В этом названии отражены и субстратный характер автохтонных памятников, и стадийный уровень культуры их носителей. Эти памятники входили в круг кавказских энеолитических культур (домайкопских). В частности, наша точка зрения подтверждается сопоставлением орнамента сосудов из нижних горизонтов поселения Мешоко с декором керамики из раннеземледельческих поселений (а не куро-аракских, как полагал А. А. Формозов) Южного Кавказа. Сосуществование кавказских энеолитических культур подтверждается сопоставлением материалов Закубанских и западногрузинских энеолитических стоянок (Формозов 1965; Пхакадзе 1987; 1993), а также параллелями в инвентаре нижних горизонтов Мешоко и поселений Шулавери – Шомутепинской группы IV–V ступеней развития, по Т. В. Кигурадзе. Параллели Мешоко и энеолитических памятников Центральнокавказской группы включают керамику со скупым налепным декором и каменную индустрию. Сближает памятники обилие орудий из камня; архаичный облик индустрии, включающей геометрические микролиты, орудия, выполненные на пластинах; применение вкладышевой техники изготовления орудий; обилие шлифованных клиновидных топоров; использование обших источников обсидиана (закавказских). Многочисленны на сравниваемых памятниках орудия из кости и рога. В качестве аналогии отметим четырехугольные просверленные пластины из клыков кабана, обнаруженные в Шулаверисгори и в Мешоко (Кигурадзе 1976; Формозов 1965). Поздние слои энеолитических памятников Южного Кавказа по находкам расписной керамики и оттисков печатей синхронизируются с северобейдским и урукским периодами в Месопотамии – V и IV тыс. до н. э. (Мунчаев 1994; Андреева 1987; Кушнарева, Чубинишвили 1970; Кушнарева 1993). Как известно, для майкопской культуры Северного Кавказа пока может быть предложена только приблизительная хронология, с учетом синхронизаций общего плана от конца IV до середины III тыс. до н. э. (Пиотровский 1991; Корневский 1984; Резепкин 1989; Мунчаев 1994).¹⁵ Таким образом, ранние памятники субстратной энеолитической культуры действительно предшествуют начальному этапу майкопской культуры РБВ Северного Кавказа. Однако в дальнейшем субстратные памятники сосуществуют и взаимодействуют в качестве автохтонного компонента с памятниками инокультурных компонентов – майкопского и новосвободненского. Автохтонные памятники с “накольчатой жемчужной керамикой” занимают особую экологическую нишу в холмистых предгорьях и среднегорьях Северного Кавказа, где и доживают, по-видимому, до финала майкопской культуры, сохраняя пережиточный энеолитический характер. Более того, скорее всего ранние памятники новосвободненской группы стадийно (так же, как и субстратная группа) относились к энеолиту, а раннебронзовая культура сложилась уже на территории Северного Кавказа, в процессе их развития, чему, вероятно, способствовал высокий уровень ремесленной специализации соседей майкопцев и доступность источников сырья в

¹⁵ Кажется, для более ранних датировок пока нет убедительных оснований. Например, ошибочна синхронизация печати из Красногвардейского кургана со штампами из Гавры XI, ведь цилиндрические печати появляются в Северной Месопотамии позднее, в протописьменном периоде. Неубедительна синхронизация майкопского копья (Псекупс) с орудиями из слоя VI A Арслантепе, поскольку копьё близких пропорций известны и в памятниках середины III тыс. до н. э. – Тиль-Барсиб, Кархемьш. Майкопские горшки и миски также непригодны для хронологических построений, в том числе для синхронизации “Майкопа” и Урукского периода в Месопотамии, ведь подобные керамические формы могли существовать длительное время, например, в долине Балиха их изготовляли от Халафа до ранединастического периода.

горах Кавказа. Важную роль в развитии металлургии и металлообработки сыграло мастерство обработки камня. Так, результаты экспериментально-трассологического исследования каменных орудий, применявшихся для металлообработки показали, что население майкопской общности максимально использовало техническое наследие предшествующей эпохи, включая неметаллический инструментарий. Последний был трансформирован в новые модели, которые внедрены в старые и новые производства (Коробкова 1993). С фактом перехода к раннебронзовой стадии уже собственно на Северном Кавказе согласуется представление о своеобразии майкопской металлообработки (Кореневский 1988; Резепкин 1989). Предложенный нами термин “энеолитические субстратные памятники” нашел одобрение у В. А. Трифонова и использован в его работе (1996). Соглашаясь с А. Д. Резепкиным и С. Н. Кореневским в том, что майкопский, новосвободненский и субстратный компоненты, вероятно, имели различное происхождение и облик культуры, все же, учитывая факт их сосуществования на определенном этапе РБВ на Северном Кавказе, предлагаем использовать в качестве рабочего термина наименование майкопская культурная общность, что позволяет учесть субстратный характер местного компонента культур РБВ.

Сопоставим ведущие признаки КСД и предшествующих культур Западного Кавказа и попытаемся выяснить характер процесса культуругенеза. В период ранней бронзы на Западном Кавказе располагались памятники майкопской общности (далее – МО). Собственно майкопские памятники занимали подгорную равнину, располагаясь, главным образом, на хорошо дренированных участках в поймах и на первых террасах Кубани и Терека; памятники новосвободненской группы занимали подгорную равнину и холмистые предгорья до высоты 400–700 м над уровнем моря; а памятники субстратной энеолитической группы – среднегорья высотой 600–800 м над уровнем моря. Известны памятники субстратной группы на большей высоте (Гуамский грот – 1200 м над уровнем моря) и на приморских террасах (Мысхако).

Хозяйство племен **майкопской** группы было смешанным с преобладанием земледелия, о роли которого говорят топография поселений и инвентарь: крупные сосуды для хранения зерна, мотыги, зернотерки, вкладыши от жатвенных ножей и т. п. Судя по небольшой мощности культурного слоя на поселениях (в среднем около 0,6 м), земледелие майкопцев было экстенсивным, что приводило к истощению полей и к необходимости перенесения стоянок на новое место. В стаде майкопцев преобладала свинья, на втором месте – крупный рогатый скот, а на третьем – овца (Мунчаев 1994; Кореневский 1993). Жилища были саманные, овальной формы. Погребения совершались в ямах. Покойников укладывали скорчено на боку и посыпали охрой. Известны курганы и грунтовые могилы (Псекупский могильник). Укрепленные поселения не обнаружены.¹⁶

¹⁶ Яркость двух уникальных памятников (курган Ошад и Старомышастовский “клад”) приводит к искаженной, завышенной оценке всей майкопской культуры, которая, на наш взгляд, не может считаться северным “форпостом” передневожосточной цивилизации (Трифонов 1987). Дело в том, что здесь не существовало долговременных поселений; не известны монументальные культовые постройки; нет здесь следов опечатывания, то есть нет важнейшего элемента древневожосточной цивилизации – категории собственности. Не следует преувеличивать и уровень прогресса в производстве майкопской керамики. Все достижения майкопских керамистов – ремесленный характер производства, медленный гончарный круг и двухъярусная печь – были известны и мастерам трипольской культуры, причем при более развитом формотворчестве (Ремесло ... 1994). Поэтому мы разделяем мнение Ю. Ю. Пиотровского, что “единичные майкопские памятники с

Предварительный анализ остеологических материалов из недавно открытого и исследуемого А. Д. Резепкиным поселения новосвободненской группы на берегу р. Фарс, напротив пос. Старчики, позволяет предположить, что основу хозяйства **новосвободненцев** составляло оседлое скотоводство с превалированием разведения крупного рогатого скота (45%). Свиноводство и разведение овец и коз имело подчиненное значение (по 19% костей). На долю охотничьей добычи приходится 15% от определенных костных остатков. Среди диких видов присутствуют кости зубра, лошади, благородного оленя (Спасовский 1996). О преобладании скотоводства в хозяйстве новосвободненцев можно судить и по косвенным данным: курганные могильники новосвободненцев располагаются на вершинах водоразделов и на краях высоких речных террас, что характерно для степных скотоводов. В инвентаре новосвободненцев не встречены пифосы для хранения зерна и мотыги, редко встречаются вкладыши от жатвенных ножей; в составе инвентаря найдены изображения коровы, баранов, собак. Если предположить, что новосвободненские гробницы с двускатной крышей повторяли форму жилых построек, то жилища новосвободненцев были прямоугольными (каркасно-столбовыми). Укрепленные поселения не обнаружены. Погребения в основном были подкурганными, хотя не исключено, что практиковался и обряд грунтовых погребений (Клады, Псыбе). Покойников укладывали скорчено на боку и посыпали охрой. Часто дно могил посыпалось галькой или песком. Погребения устраивались в ямах или на горизонте – в срубах, каменных ящиках и в мегалитических гробницах. Как правило, погребения окружались каменным кромлехом. Камень использовался также в виде наброски над могилой, крепиды или панциря поверх насыпи. Характерна изоляция могилы слоем водоупорной глины. Иногда курганные насыпи имели форму усеченного конуса (курганы с плоской вершиной).

Хозяйство **субстратных** племен также было смешанным с преобладанием скотоводства. Поселения расположены на высоких плато и речных террасах в условиях лесного и лесостепного ландшафта. Местное население разводило в основном свиней (более 50% фаунистических остатков), чему благоприятствовали распространенные здесь широколиственные леса. На втором месте – крупный рогатый скот (28%), а на третьем – овца (18%) (Формозов 1965; Цалкин 1970). Встречаются стоянки в гротах и пещерах, что продолжает местную неолитическую традицию. На поселениях найдены цедилки для переработки молочных продуктов, очажные подставки, сравнительно небольшое количество зернотерок и вкладышей от жатвенных ножей. Жилища были прямоугольными в плане, каркасно-столбовой конструкции с турлучными стенами, что продолжает местную традицию домостроительства (Нижняя Шиловка). Характерная отличительная черта субстратной группы памятников – укрепленные поселения, расположенные в местности, удобной для обороны (на останцах плато, на краю высоких террас и т. п.). Фортификация включает валы, рвы и стены из ломаного камня. Такие укрепленные поселения были, вероятно, окружены несколькими неукрепленными стоянками (Формозов 1965). Однако укрепленные поселения характерны только для раннего этапа развития культуры (Свободное, низ Мешоко, Ясенова поляна, Скала, Замок). На развитом этапе укрепления потеряли свое значение, например, верхние горизонты культурного слоя в Мешоко распространяются за пределы стен укрепления, а неукрепленные поселения располагаются на низких речных террасах (Хаджохские навесы).

древневосточными импортами неоднородны, представляют “конгломерат вещей” и являются, вероятно, погребениями “варварских” вождей” (1993).

Погребения субстратной группы были, по-видимому, грунтовыми (Нальчикский могильник, погребение на стоянке Скала). Покойников укладывали скорчено на боку или на спине и посыпали охрой. На стоянке Скала погребение совершено в каменном ящике, а в Нальчикском могильнике – в грунтовых ямах.

Тесные взаимоотношения трех описанных групп МО документируются распространением импортов: майкопские и новосвободненские импорты найдены на поселениях субстратной группы, а субстратные и майкопские изделия – в новосвободненских погребениях.

Сопоставление ареалов распространения памятников показывает, что КСД перекрывает в предгорьях ареал новосвободненской группы, а в приморских районах Западного Кавказа – субстратной группы. В ареале собственно майкопской группы памятники КСД не обнаружены. Памятники субстратной группы расположены обычно выше, чем памятники КСД, хотя в гротах и пещерах культурные слои, оставленные носителями КСД, иногда перекрывают культурные слои субстратной группы МО. Поскольку КСД на Западном Кавказе занимает место новосвободненской и отчасти субстратной групп (культур) МО, следует сопоставить с КСД параметры именно этих памятников, а не всей МО. Ландшафты сопоставляемых культур совпадают. Сопоставление их хозяйственной деятельности показывает, что племена КСД, как и население предгорий Западного Кавказа в предшествующую эпоху, практиковали смешанное хозяйство с превалированием животноводства. Отличия в составе стада – уменьшение доли свиньи – объяснимы с учетом различий в ареалах (племена КСД занимали степную зону, а субстратные племена – лесную). Сохраняется придомный характер животноводства при низкой доле овцы в стаде. Сходство хозяйства субстратных племен и строителей дольменов подкрепляют находки на поселениях глиняных цедилок для переработки молочных продуктов и различных очажных подставок. Учитывая результаты предварительного анализа остеологических материалов из первого поселения новосвободненской группы, можно констатировать особую близость по составу стада и облику хозяйства у носителей КСД и новосвободненцев – сохраняется превалирующая роль крупного рогатого скота в стаде при подчиненном значении свиньи и овцы. Отличия в остеологических материалах связаны с уменьшением доли охотничьей добычи в рационе носителей КСД, хотя ее видовой состав не претерпел изменений. Следов фортификации на памятниках КСД не обнаружено, хотя поселения Дегуакское и Старчики расположены на мысах высоких речных террас в естественно защищенных местах.¹⁷ Сопоставление каменной индустрии показало, что мастера КСД сохранили прежние предпочтения при выборе сырья и технику раскалывания, используемую субстратными неолитическими племенами МО. Из орудий особенно близки скребки на отщепе, долотовидные орудия, скобели, ножи для мяса, резцы, вкладыши от жатвенных ножей с зубчатым краем, черенковые наконечники дротиков. Совпадают традиции изготовления орудий на отщепе и комбинированных орудий, применение тщательной двусторонней ретуши при изготовлении наконечников стрел и дротиков. Новосвободненские памятники пока не дали материалы для сопоставления. В обработке камня КСД прослеживается явная преемственность от индустрии новосвободненской и субстратной групп МО по используемому сырью и по приемам (скалывание, пикетаж, шлифовка, пиление, сверле-

¹⁷ Возможно, в эпоху бронзы эти поселения располагались на низких террасах у самой воды (как, например, Хаджохские навесы). О подобном расположении поселений КСД свидетельствуют речные наносы, зафиксированные в культурном слое пос. Старчики (Рысин 1992а).

ние). Близки клиновидные шлифованные тесла субстратной группы и КСД. Особую близость демонстрируют наборы каменных орудий для металлообработки из новосвободненских погребений и поселений КСД. Полностью совпадают наборы орудий кузнецов и ювелиров, в том числе абразивы, песты, наковальни, молоточки, точильные бруски, дисковидные матрицы с углублением и шарики для выдавливания полусферических украшений из листового металла. Совпадает применяемая ювелирами архаичная техника двустороннего сверления при изготовлении каменных бус и подвесок. Близки каменные полированные топоры-молоты новосвободненской группы и КСД.

О наследовании строителями дольменов от местных племен навыков обработки камня предполагали А. Д. Столяр (1961, 1964) и А. А. Формозов (1965). Наглядный пример этому – преемственность владения техникой точечного выбивания (пикетажа). Субстратные племена изготавливали таким способом даже тонкостенные каменные браслеты. Новосвободненцы обрабатывали в пикетажной технике плиты своих гробниц и изделия из камня (например, скульптуру коровы из кургана № 31 на Кладах), а строители дольменов – стены своих наземных построек. Очевидно, мастерство КСД в обработке камня и строительстве мегалитических сооружений базируется на вековом опыте предшествующих культур, о котором свидетельствуют и гробницы Новосвободной, и каменные стены вокруг поселений субстратных племен в долине Белой.

Следы металлообработки на памятниках субстратной группы не обнаружены, несмотря на их сравнительно хорошую изученность. Находки изделий из металла единичны: несколько бусин, шилья, нож-бритва и нож с широким подтреугольным черенком (последний, скорее всего, является импортом майкопской или новосвободненской группы). Мы полагаем, что племена субстратной группы МО стояли на начальной, энеолитической стадии освоения металлообработки и процесс этот стимулировался контактами с населением майкопской и новосвободненской групп МО. Сопоставление металлургии и металлообработки КСД и новосвободненской группы позволяет установить следующее: во-первых, полное совпадение состава сплавов (следовательно, сохранение прежних источников сырья и технологий производства металлических изделий); во-вторых, поразительное сходство каменных орудий, применявшихся для металлообработки, подтверждаемое трасологическим анализом инструментария (Коробкова, Шаровская 1983; Коробкова 1993). Особенно близки инструменты, применяемые кузнецами и ювелирами: различные молоточки, наковаленки, абразивы, точильные камни, оселки, шарики и матрицы для изготовления полусферических бляшек из листового металла. Сходства каменного инструментария свидетельствует о совпадении технологии изготовления орудий. Наконец, совпадает большинство категорий производившихся металлических изделий: оружие (топор, кинжал), орудия (тесло, долото, стамеска, шило), votivное изделие (крюк), амулеты-“украшения” (височное кольцо, пронизка, полусферическая бляшка). Из изготавливавшихся прежде изделий в ареале КСД не найдены только металлические сосуды, наконечники копий и так называемые псаии. Прямая преемственность металлообработки ранней и средней бронзы на Западном Кавказе позволила А. А. Иессену предложить схему ее эволюции со сменяющимися друг друга новосвободненским и привольненским этапами (1950). Введение в научный оборот новых материалов сделало возможным дополнить схему А. А. Иессена еще одним этапом, непосредственно следующим за новосвободненским и предшествующим привольненскому (Рысин 1996). Этот этап мы предлагаем назвать **успенским**, по кладу из сел. Успенское на Кубани (Лопатин 1993). Изделия успенского

этапа наглядно подтверждают типологическую (и технологическую) преемственность металлообработки СБВ Западного Кавказа от новосвободненской металлообработки РБВ. Хотя типы изделий МО не переживают финала ранней бронзы, их измененные варианты продолжают бытовать и после смены культур в эпоху средней бронзы. Сравнительно-типологический анализ демонстрирует не только преемственность, но и прогрессивное развитие металлообработки КСД по сравнению с новосвободненской.¹⁸ Такой прогресс заключается для ведущего типа изделий – проушного топора – в усилении втулки валиками, а в дальнейшем в освоении литья топоров со стороны спинки. Другая прогрессивная новация СБВ – освоение орудий с раскованной и свернутой втулкой. Недавно получены новые данные, свидетельствующие об архаичном характере майкопской металлообработки. Дело в том, что большинство металлических изделий были уникальными, отлитыми по утрачиваемой восковой модели (Минаян 1996). Лишь изредка в РБВ используются разъемные литейные формы, позволявшие тиражировать продукцию, а их широкое применение связано с эпохой средней бронзы. Отмеченная преемственность металлообработки СБВ от новосвободненской тем более примечательна, что, по наблюдениям В. С. Бочкарева (1995), именно преемственностью в области ведущей технологии обеспечивалась непрерывность культурного развития и сохранение его прогрессивного вектора. Сравнивая продукцию металлообработки КСД и новосвободненской группы МО следует отметить сохранение преемственности и по отношению к орудиям для обработки дерева. Среди металлических орудий центральное место принадлежит плотницким инструментам: топору, теслу, долоту, стамеске. Их значимость подчеркивается включением в состав инвентаря погребений лиц с высоким прижизненным статусом. Напомним, что трасологический анализ каменного инвентаря пос. Старчики продемонстрировал особенно высокий процент орудий для обработки дерева (до 25%). Открытие остатков деревянной повозки в новосвободненском погребении (Кондрашев, Резепкин 1988) делает преемственность в области деревообработки еще более обоснованной, поскольку именно обладаниепряженными волами, деревянными повозками сделало возможным освоение предкавказских степей (особенно в условиях усилившейся суббореальной аридизации климата) и трансляцию достижений кавказских культур вплоть до Поволжья и Приуралья. Косвенным свидетельством изготовления повозок мастерами КСД служат находки глиняных моделей колес с выступающей ступицей и фигурки вола с отверстием в морде (для соединения с моделью повозки?). Вероятно, навыки изготовления транспортных средств, как и соответствующий инструментарий, были восприняты среднебронзовым населением Западного Кавказа от мастеров предшествующей эпохи. Не следует преуменьшать также значимость контроля носителей КСД над сырьевой базой в виде горных лесов. Об экспорте кавказской древесины свидетельствуют находки изделий из каштана в погребениях ямной культуры (Бидзиля, Яковенко 1973).

¹⁸ Прогресс в сфере металлообработки в эпоху средней бронзы очевиден в особенности при сопоставлении материалов из поселений МО и КСД. Не только на субстратных памятниках, но и на поселениях майкопской группы почти не встречаются следы металлообработки. На поселениях КСД обнаружены многочисленные свидетельства металлообработки – прежде всего остатки льячек и литейных форм, капли и слитки бронзы и т. п. При этом, исследованная площадь майкопских поселений превышает площадь, вскрытую раскопками на поселениях КСД. Конечно, окончательные выводы можно будет сделать только после изучения поселений новосвободненской группы.

Немногие имеющиеся данные о домостроительстве позволяют предварительно говорить о возможной преемственности наземных каркасно-столбовых построек прямоугольной формы КСД от жилищ субстратной группы МО. Сходство дополняется устройством очагов и одноярусных печей с глиняной обмазкой на основании из камней и гальки, и применением различных очажных подставок (кольцевидных и подковообразных).

Сопоставляя керамическое производство КСД с производством новосвободненской и субстратной групп МО следует предварительно заметить, что применение медленного гончарного круга и двухъярусной печи для обжига посуды являлись достижениями гончаров только одной майкопской группы МО. Следы использования медленного круга при формовке сосудов зафиксированы лишь для поздних новосвободненских памятников, сменивших майкопские в Центральном Предкавказье (Кабардино-Балкария, Чечня). Однако на Западном Кавказе большинство новосвободненских сосудов и вся керамика субстратной энеолитической группы МО были сформованы без применения гончарного круга (ленточным способом) и обожжены на костре либо в одноярусной печи. Таким образом, по способу формовки и по качеству обжига керамика КСД вполне сопоставима с посудой новосвободненской и субстратной групп МО. Сравнительный анализ по трем основным параметрам позволяет установить следующие соответствия посуды КСД и новосвободненской группы. Технология: совпадает способ формовки (донный начин, жгутовая лепка); отошители (песок, известняк, дресва); приемы обработки поверхности (лощение, ангоб, “чернение”, создающее эффект темной поверхности посуды со светлой “подкладкой”); прикрепление петельчатых ручек при помощи глиняных шпеньков, продетых в отверстие стенки сосуда. Морфологические признаки: соответствие по отдельным типам сосудов (“реповидный” горшок, миска и чаша со слегка завернутым внутрь краем венчика, “амфора” с петельчатыми ручками на переходе от плечика к шейке); по деталям моделировки сосудов (узкое, слегка вогнутое внутрь донце, выделение уступом или желобком места перехода от плечика к шейке, завернутый внутрь край венчика мисок и чаш, короткая прямая шейка с отогнутым наружу краем венчика у горшков). Орнаментация: соответствие в месте расположения декора на сосудах (горизонтальный пояс на плечиках горшков, на петельчатых ручках, на краю венчика мисок); в композиционном решении (горизонтальный ряд из наколов, прочерченных бороздок, наlepных шишечек со спускающимися на плечики дополнительными элементами, образующими при взгляде на сосуд сверху солярную композицию); в применяемых приемах нанесения декора (накол, прочерченный, желобчатый, наlep). Все же, более детальное сопоставление керамических комплексов невозможно до получения информации о посуде из новосвободненских поселений, поскольку набор керамики в погребениях ограничивался требованиями ритуала.¹⁹

Для керамики КСД и субстратной группы установлены следующие соответствия. По технологическим параметрам: совпадает набор отошителей (песок, кальцит, мергель, кварцитовая дресва); жгутовой способ формовки; характер обжига; некоторые приемы обработки поверхности (лощение, расчесы “гребенкой”). По морфологическим признакам: единственные элементы, сближающие посуду КСД и субстратной группы – наlepной “воротничок” на наружном краю венчика горшков и выступы-ручки различной формы. Орнаментальные признаки: соответствие по

¹⁹ Сопоставление затрудняется также отсутствием данных о керамике начального этапа СБВ.

приемам нанесения декора (налеп, накол, выдавленные изнутри шишечки – “жемчужины”); по мотивам и композиционному решению (радиально расположенные на плечиках налепные валики, гладкие и с наколами; горизонтальный пояс из выдавленных изнутри шишечек на плечиках; ряд наколов на краю венчика мисок). Итак, при несомненной оригинальности сопоставляемых керамических комплексов, посуда КСД обнаруживает определенную преемственность с керамикой новосвободненской группы МО. Особенно примечательно, на наш взгляд, соответствие по ведущему типу новосвободненских сосудов позднего этапа (тип 3А, по А. Д. Резепкину) – “реповидным” горшкам, а также совпадение таких признаков как: известняк в качестве отошителя, технология темнолощенной посуды со светлой “подкладкой”, узкое вогнутое донце, завернутый во внутрь край венчика миски, прикрепление ручки на шпенье, отделение шейки от плечика желобком, декор из ряда налепных шишечек под шейкой горшка. Значительно меньше соответствий прослеживается у посуды КСД и субстратной группы МО. Здесь наиболее важным мы считаем совпадение применяемых отошителей, различных ручек-выступов, налепов и наиболее распространенного приема орнаментации для субстратной керамики – выдавленных изнутри “жемчужин”. На стоянках субстратной группы, как и на поселениях КСД, обнаружены глиняные конические пряслица, просверленные кружки из стенок сосудов, а также фигурки животных, выполненные в предельно схематизированной манере.

Наиболее неожиданный вывод из сравнительного анализа керамических комплексов состоит в том, что на Западном Кавказе, в ареале новосвободненской и субстратной групп МО не наблюдается сколько-нибудь значительный регресс в сфере керамического производства при переходе к эпохе средней бронзы. Традиционно декларируемый регресс в керамическом производстве был связан только с исчезновением памятников майкопской группы МО с традицией применения медленного гончарного круга и двухъярусной печи для обжига керамики. Новосвободненская и субстратная посуда (за исключением импортной – майкопской) обычно сформована вручную и обожжена на костре либо в одноярусной печи; степень обжига ее – слабая или средняя, так что по своим качествам (по прочности, способу обжига) керамика КСД не уступает новосвободненской, а тем более субстратной посуде. Однако в эпоху СБВ не было забыто и такое прогрессивное приспособление майкопских гончаров как медленный гончарный круг. В последние годы обнаружены свидетельства его применения мастерами-керамистами СБВ центральной части Северного Кавказа (Кавминводы, Чечня). На наш взгляд, такие факты убедительно доказывают преемственность керамического производства ранней и средней бронзы в регионе.²⁰

Почти не удастся зафиксировать преемственность в сфере погребальной обрядности. Это может быть связано с катастрофическим характером процесса смены культур, вызвавшим изменение всей парадигмы древнего общества, прежде всего сферы идеологических представлений и обрядов перехода. Сопоставление погребальных обрядов показывает, что в отличие от резко ранжированного обряда новосвободненской группы (с отчетливо выделяющимися по наборам инвентаря погребениями верхушки социальной элиты), обряд КСД носит эгалитарный характер и скорее сопоставим в этом с обрядом субстратной группы МО. Погребения социальной элиты

²⁰ Для подтверждения преемственности керамического производства на Северо-Западном Кавказе большое значение приобретает наблюдение А. Н. Гея, что в керамических массах целого ряда археологических культур – от предмайкопской до позднекатакомбных – присутствует примесь белой минеральной дресвы (Гей 1995).

КСД, так же как и у новосвободненцев, отличаются по характеру от основной массы погребений, однако это выделение в эпоху средней бронзы достигалось, главным образом, за счет резкого возрастания трудозатрат на создание погребальных сооружений, а не расточительностью погребального инвентаря, как в новосвободненских “княжеских” погребениях или в Большом майкопском кургане. Можно предположить, что подобная перемена в отношении к “материальным ценностям” свидетельствует о своеобразном прагматизме элиты строителей дольменов,²¹ во всяком случае, это не служит показателем социальной деэволюции и регресса, традиционно постулируемых по отношению к племенам средней бронзы Северного Кавказа. Все же можно заметить элементы преемственности, связывающие обряды КСД и предшествующих культур Западного Кавказа. Так, присутствие в инвентаре элитарных погребений втульчатых крюков отражает преемственность общественных церемоний (тризна-жертвоприношение, приобщение к тотемному животному), в которых могли применяться такие крюки,²² судя по этнографическим параллелям, а кроме того за крюками сохраняется роль символа высокого прижизненного статуса владельца. Сохраняют свою статусную роль также бронзовые топоры, кинжалы, височные кольца, кремневые наконечники стрел. Еще один элемент преемственности мы видим в присутствии в инвентаре погребений социальной элиты орудий производства. Соответствие прослеживается и по отдельным элементам погребальных обрядов новосвободненской группы и КСД: совершение индивидуальных элитарных погребений в каменных наземных сооружениях, перекрытых насыпью в виде усеченного конуса (с плоской вершиной); подсыпка дна могил галькой или песком; применение охры и огня (угольки на дне могил); стремление изолировать тело погребенного от земли – наземные погребальные сооружения, каменные конструкции, замазывание щелей глиной, слой глины над перекрытием могилы; каменные конструкции-кромлехи, крепиды, контрфорсы, каменные “панцири”; кенотафы; жертвенные комплексы и т. п. Наконец, сохраняется преемственность в близости “сакральной” орнаментации на керамике и изделиях из металла у племен КСД и новосвободненцев (шишечки и насечки в “елочку”). Конечно, перечисленные параллели не всегда отражают родство рассматриваемых археологических культур. За ними может стоять родство или общность более высокого уровня, например, общность мировоззрения индоевропейских культур или культур строителей мегалитов. Возможность подобных параллелей мы упоминали выше, анализируя сходство мегалитических построек в различных регионах.

Несомненная преемственность прослеживается в социальной организации племен КСД от новосвободненских: это социальное ранжирование; выделение элиты, контролирующей торгово-обменные операции и их инфраструктуру; ремесленная специализация (прежде всего, в металлообработке, деревообработке и ювелирном деле); строительство монументальных погребальных памятников (в том числе мегалитических сооружений под насыпями с плоскими вершинами). Хотя в эпоху СБВ в могилах почти не встречается оружие и нет “княжеских” погребений, отли-

²¹ Подобное отношение к сопровождающему инвентарю характерно, например, для элиты древневосточных общин, где “царские” могильники являются скорее исключением.

²² Мы не согласны с трактовкой крюков только как символа бычьих рогов. В частности, предполагаемая функция крюков в обряде – тянуть, тащить, вытаскивать часть тела тотемного животного – вовсе не указывает на какую-либо их связь с рогами быка. На наш взгляд, здесь скорее прослеживается аналогия с когтями хищной птицы. Орудие в виде когтистой птичьей лапы могло возникнуть из представлений о птицеобразных тотемах, птицеобразности жрецов-шаманов, о терзании и поглощении тела тотема хищной птицей и т. п.

чающихся “пышностью” сопровождающего инвентаря, на наш взгляд, это означает не социальную деэволюцию по сравнению с новосвободненской группой МО, а изменение представлений о загробном мире у племен КСД.²³ Не всегда определяет социальный прогресс и количество оружия в погребениях. Так, почти нет оружия в погребениях под курганами Марткопи, Бедени и Триалети на Южном Кавказе, хотя устройство грандиозных погребальных сооружений, состав инвентаря и даже “сопровождающие” погребения зависимых лиц отражают далеко зашедший процесс дифференциации и, вероятно, более высокий уровень социальной организации, по сравнению с новосвободненскими племенами Северного Кавказа.

Подведем итог сравнительного анализа памятников ранней и средней бронзы Западного Кавказа.

1) Майкопская культура представляет собой многокомпонентное образование из собственно майкопской, новосвободненской и субстратной групп или культур с особыми ареалами, типами хозяйства, керамическими комплексами, погребальными обрядами и т. п.

2) Племена КСД заняли территорию новосвободненской и отчасти субстратной групп МО, поэтому целесообразно проводить дифференцированное сопоставление КСД с памятниками этих групп, а не всей МО.

3) Наибольшее соответствие наблюдается у КСД и новосвободненской группы МО. Преемственность демонстрируют ландшафт и тип хозяйства, каменная индустрия, металлургия и металлообработка, деревообработка и, в значительно меньшей степени, керамический комплекс и сфера идеологических представлений.

4) Отдельные элементы преемственности удалось проследить у КСД и субстратной группы МО – в хозяйстве, каменной индустрии, домостроительстве, керамическом комплексе и т. п.

5) Сравнение показывает несомненные местные “корни” КСД: так прямая преемственность наблюдается в металлообработке, в каменной индустрии и строительстве из камня, в деревообработке, в хозяйственной деятельности и т. п.

6) При дифференцированном подходе к МО не удастся подтвердить постулируемого многими исследователями регресса культуры и социальной деэволюции при переходе к эпохе средней бронзы. Представления о подобном регрессе связаны, очевидно, с исчезновением майкопской группы МО и с изменениями в сфере идеологических представлений, выразившимися в повышении эгалитарности погребального обряда. Не общий регресс культуры, а, напротив, прогрессивное развитие хозяйства и культуры племен КСД, наследованный ими опыт предшественников в обработке камня, металлургии, металлообработке, строительной технике сделал возможным блестящий и непревзойденный за всю древнюю историю Кавказа феномен массового мегалитического строительства на Западном Кавказе.

7) Судя по своим погребальным сооружениям, КСД представляет более высокую стадию в культурном развитии, по сравнению с новосвободненской и субстратной группами МО. В самом деле, трудозатраты на возведение тысяч мегалитических сооружений и ряда больших курганов намного выше усилий, затраченных на возведение двух сотен известных новосвободненских курганов и немногих гробниц. А сами наземные дольмены, как первые рассчитанные архитектурные сооружения явно превосходят новосвободненские гробницы, являющиеся по сути ка-

²³ Как отмечает В. М. Массон (1973), расточительность погребений свойственна для раннего этапа социальной дифференциации, но с развитием социальных институтов общество в более разумных пределах расходует силы на их пропаганду через погребальный обряд.

менными ящиками, сохраняющими целостность только за счет окружающего каменного керна и курганной насыпи. Наконец, сотни дольменов, покрывающих гребни и склоны холмов, создавали на территории Западного Кавказа качественно новое явление – археологический ландшафт.

Таким образом, смена культур при переходе к эпохе средней бронзы на западном Кавказе являет не регресс и упадок, а прогресс и основанный на прямой преемственности взлет культуры, ознаменовавшийся феноменом массового мегалитического строительства.

Сопоставив КСД с предшествующими культурами, попытаемся определить возможный механизм смены культур. Прямая преемственность, связывающая различные стороны культур ранней и средней бронзы Западного Кавказа (прежде всего металлообработку, каменную индустрию, хозяйство, домостроительство) позволяет отвергнуть предположение о миграции и значительной смене населения, и рассматривать как наиболее вероятную гипотезу культурную трансформацию. Яркие новации в керамическом комплексе и в сфере погребального обряда доказывают, что такая трансформация была стимулированной (Массон 1990).

Для выяснения факторов, стимулировавших смену культур, следует рассмотреть изменения, произошедшие во всем кавказском регионе. При этом обнаруживается синхронность смены культур на обоих склонах Кавказа и кризисных явлений в Причерноморье, Средиземноморье, Малой Азии и на Переднем Востоке. На наш взгляд, такая синхронность объяснима только в том случае, если трансформация культур была стимулирована экологическим кризисом. Экологический кризис мог быть связан с аридизацией климата, которая для начала суббореального периода подтверждается данными естественных наук, хорошо согласующимися с археологическими источниками (Абрамова, Турманинов 1983; Варущенко и др. 1980; Долуханов 1989; Иванов 1992). Поскольку земледельческие культуры сменяются скотоводческими синхронно на обоих склонах Кавказа, роль в этом экологического фактора представляется вполне вероятной (Арешян 1991; Массон 1991). О катастрофическом характере процесса смены культур свидетельствует и то, что памятники МО исчезают в период своего максимального расцвета, как бы на взлете культуры. В Закавказье кризис привел к исчезновению куро-аракской культурной общности, на Северном Кавказе и в Предкавказье перестала существовать майкопская общность, а в Северном Причерноморье и в Поднепровье – трипольская. В кавказском регионе экологические изменения вызвали деструкцию земледельческих обществ и усиление роли скотоводства, что привело в конечном счете к некоторому регрессу в культуре. С другой стороны, усиление скотоводческого сектора на Кавказе и на соседних территориях стимулировало развитие отдельных сторон жизни. Скотоводство давало возможность относительно быстрого накопления прибавочного продукта и концентрации властных функций в руках племенной элиты. Усилению племенной верхушки способствовала также неизбежная нестабильность в период кризиса военной ситуации. Эти же факторы стимулировали развитие добычи и обработки металла, в первую очередь, для изготовления оружия и престижных предметов, и привели в конечном счете к оформлению слоя профессиональных ремесленников, работавших на заказ. Неравномерность в распределении сырьевых запасов и потребность элиты в престижных атрибутах вызвали активизацию торгово-обменных связей. Эти достижения эпохи средней бронзы особенно ярко реализовались в “княжеских” погребениях Южного Кавказа (Марткопи, Бедени, Цнори, Триалети, Карашамб) и в мегалитических архитектурных комплексах Западного Кавказа: Псынако; Серебряный курган; Клады, курганы 39, 40.

Таким образом, адаптация к экологическому кризису стимулировала развитие социальных отношений, обмена и торговли, а также металлургии и металлообработки, что в конечном счете выразилось в сложении ярких и динамичных культур СБВ. Особенно наглядно опровергает принятый априори тезис о регрессе культуры в эпоху СБВ по сравнению с предшествующей эпохой обзор культурного развития в соседнем Закавказье и в Анатолии. Развитие металлообработки на Южном Кавказе в эпоху СБВ носило “взрывной” характер, количество металлических изделий всех категорий в памятниках курганных культур (Сачхери, Марткопи, Бедени) в десятки раз превышает коллекцию металлических изделий из памятников куро-аракской общности РБВ (Кушнарева 1993). Погребения элиты под курганами Марткопи и Цнори превосходят по трудозатратам на возведение погребальных сооружений и по пышности погребального инвентаря (а также по количеству сопровождающих погребений) не только куро-аракские, но и майкопские и новосвободненские элитарные погребения. Аналогичные процессы (взрывное развитие металлургии и металлообработки, появление ярких элитарных погребальных комплексов, развитие торгово-обменных связей) отмечены для СБВ Анатолии (Авилова, Черных 1989). Мы полагаем, что на Западном Кавказе также происходил расцвет металлообработки, однако редкость закрытых комплексов подобных эшерским дольменам не дает возможности адекватно оценивать ее уровень.²⁴

Анализируя процесс смены культур на региональном уровне, отметим, что в погребальном обряде и в металлообработке культур СБВ на Северном Кавказе фиксируются как традиционные элементы, так и принципиальные новации. Перечислим важнейшие традиции и новации и попытаемся локализовать источники новаций. В погребальном обряде к традиционным элементам относим следующие: “эмбриональная” поза погребенных (скорченное положение на боку либо на спине); прямоугольные грунтовые ямы с перекрытием из дерева или из камня; деревянные срубы или различные каменные конструкции (обкладки и ящики с плоским либо ложноводчатым перекрытием), установленные на древнюю поверхность или углубленные в грунт; разнообразные каменные надмогильные конструкции – кромлехи, керны, вымостки, крепиды, “панцири”; курганные насыпи с плоской вершиной; слой речной гальки или песка на дне могилы; замазывание щелей в конструкции могилы глинистым раствором; посыпание дна могилы и тела “охрой”; угли в могиле; кенотафы; тризны; жертвенные комплексы; повозка или ее части в могиле; орудия труда в составе инвентаря лиц с высшим социальным статусом. К новациям обряда относятся: положение погребенного выпрямлено на спине; обряд вторичного погребения костей в “шкуре” (в мешке); склеповый обряд (с подхораниванием останков) в различных сооружениях со входом-дромосом – купольных гробницах, дольменах, катакомбах; “огненные ритуалы”, в том числе частичное сожжение тела и деревянных конструкций могилы, угли в жаровне, в курильнице; антропоморфные статуэтки в могиле; фиксация в инвентаре профессиональной специализации погребенных; бескерамичность инвентаря на начальном этапе СБВ.

²⁴ В качестве примера неадекватного отражения источниками прогресса металлообработки СБВ на Северном Кавказе можно привести Дагестан. Здесь до недавнего времени было известно сравнительно немного находок металлических изделий в погребениях культур средней бронзы. Однако обнаружение только одной катакомбы великентского могильника значительно увеличило фонд источников по металлообработке СБВ, ведь в этой катакомбе было найдено более 1500 изделий из металла.

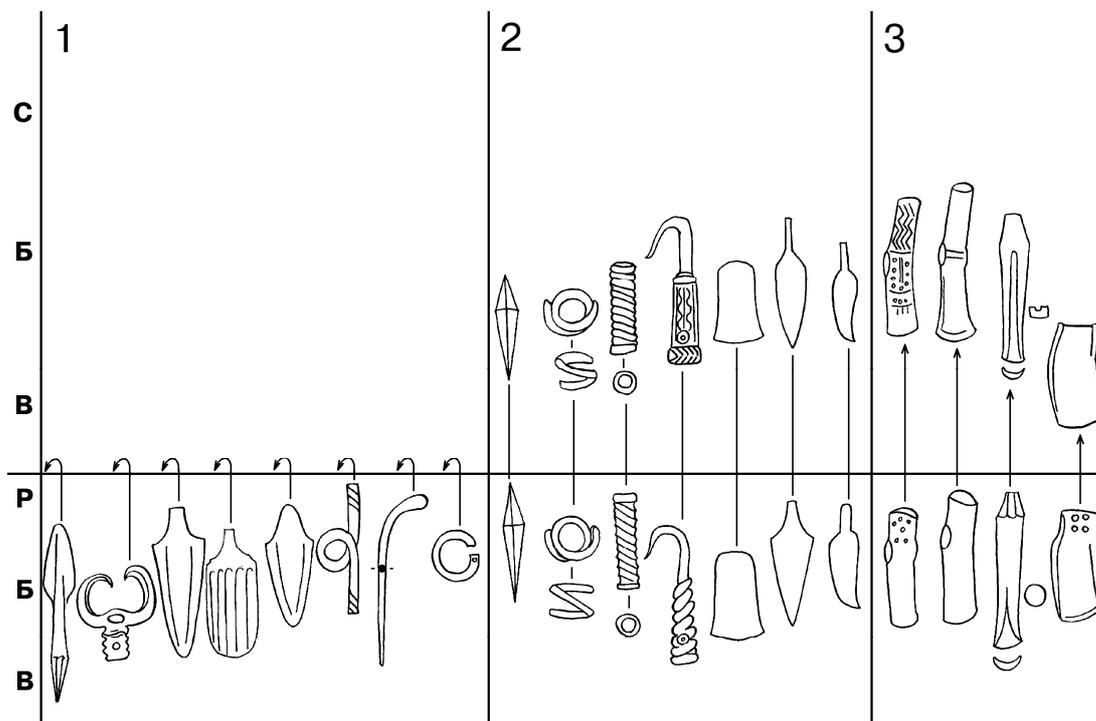

Рис. 16. Эволюция металлообработки на Северном Кавказе:
 1 – отрицательная инновация; 2 – абсолютная традиция;
 3 – относительная традиция; 4 – абсолютная инновация

Положение погребенного выпрямлено на спине, а, возможно, редкость керамической посуды и фиксация в инвентаре прижизненной специализации мастеров-ремесленников могут, на наш взгляд, связываться с распространением на Северном Кавказе традиций, практиковавшихся ранее населением степных районов (Приазовье, Подонье, Поднепровье). Погребения в склепах, мегалитическое строительство, обряд вторичного погребения мы связываем с воздействием из круга восточносредиземноморских культур. На наш взгляд, при сравнении мегалитов Кавказа и других регионов акцент следует перенести на сопоставление стиля архитектуры. Здесь выясняется, что при несомненном своеобразии стиля кавказских построек, целый ряд признаков: симметричность конструкции; рассчитанное соотношение несущих и покоящихся частей; тщательная отделка поверхности плит; выделение фасада со входом, обрамленным “пилонами”; апсидное завершение камеры так называемых подковообразных гробниц; стела-опора ложносводчатого перекрытия; оформление стен дромоса в виде “крыльев” из горизонтально уложенных плит и т. п., – позволяет относить кавказские мегалиты к восточносредиземноморской архитектурной традиции. Частичное сожжение погребенных и конструкций могилы; угли в жаровне, курильнице (аналог очажной подставки-алтаря); помещение в могилу антропоморфной статуэтки мы также связываем с традициями эгейско-малоазийских культур.²⁵

²⁵ Помещение в могилу так называемого мясного крюка тоже связывает Кавказ с Восточным Средиземноморьем. Трезубый крюк, аналогичный крюку из дольмена в сел. Эшери,

Большинство перечисленных новаций в металлическом инвентаре СБВ и, в первую очередь, все без исключения новации в наборе вотивных изделий, амулетов мы связываем с культурами Малой Азии. То, что малоазийские изделия послужили именно прототипами для кавказских, а не являются типологическими параллелями, дериватами последних, как это представляют сторонники существования так называемой циркум-понтийской зоны металлообработки (Черных 1978; Авилова, Черных 1989), подтверждают, на наш взгляд, следующие обстоятельства. Во-первых, хронологический приоритет малоазийских образцов. Во-вторых, тот факт, что амулеты-“украшения” в Малой Азии являются серийной продукцией крупных ювелирных мастерских и изготовлены, в основном, из золота. Кавказские же амулеты изготовлены из бронзы (золотые и серебряные образцы встречаются здесь в единичных случаях). Наконец, кавказские мастера копировали в литье более совершенную технику – зернь, филигрань – малоазийских ювелиров. Истоки новаций стиля декора металлических изделий и керамики Северного Кавказа также обнаруживаются в декоре изделий из Малой Азии и Луристана периода РБВ.

В обряде перехода в иной мир, в амулетах и вотивных предметах отражены основы идеологии догосударственных обществ, следовательно, процесс культурной трансформации сопровождался на Северном Кавказе заменой и обновлением “идеологического каркаса” общества, его мировоззрения. Причем установлено, что новая элита, лидеры консолидирующихся после кризиса и деструкции общин искали и находили “образцы для подражания” главным образом в эгейско-малоазийском регионе. Это предположение мы можем объяснить глубинным родством культур, уходящим в палеолит, а главное тем, что Малая Азия заняла к середине III тыс. до н. э. лидирующее положение в металлургии, металлообработке и в ювелирном производстве на Древнем Востоке. Именно лидерство в области ведущей технологии (Бочкарев 1995) позволило Малой Азии распространять свои культурные стандарты на тесно связанный с ней в сфере металлообработки Кавказ. Возвращаясь к КСД Западного Кавказа, добавим, что в малоазийско-эгейском регионе обнаруживаются истоки целого ряда характерных форм и элементов керамического комплекса этой культуры: курильница; сосуд на ножках и выделенной подставке; бокал; чайник; кубок и кружка с ручкой, поднятой над краем венчика; чаша со сливом-носиком; чаша с ручкой (расположенной над краем венчика), концами прикрепленной к наружной и к внутренней поверхности корпуса; сосуд с каннелированной поверхностью; крышка для сосуда; “трубчатая” или “катушечная” ручка; крепление ручки с помощью глиняного шпенька, продетого в отверстие на корпусе сосуда наподобие заклепки и т. п. (рис. 17). С Малой Азией мы связываем также происхождение характерной для керамики КСД традиции копирования в глине металлической посуды. Дело в том, что западноанатолийские гончары, пережившие на заре РБВ, по выражению Ф. Шахермейра, “металлургический шок”, подражая престижной и популярной металлической посуде стали изготавливать так называемую чернополированную керамику. Позднее традиция подражания металлической посуде (в первую очередь, серебряной) распространилась на острова эгейского бассейна и материковую Грецию, а в начале СБВ достигла Кавказа (культура ранних курганов в Закавказье и КСД Западного Кавказа).

Отдельную проблему представляет анализ связей с Южным Кавказом в процессе культурной трансформации. Здесь имело место как распространение элементов центральнокавказских культур на север (например, чернолощенная со светлой подкладкой посуда, очажные подставки, бронзовые вислобушные топоры с узким планом клина), так и трансляция через Закавказье достижений малоазийских культур (Ростунов 1985; 1996; Кушнарева, Рысин 1996).

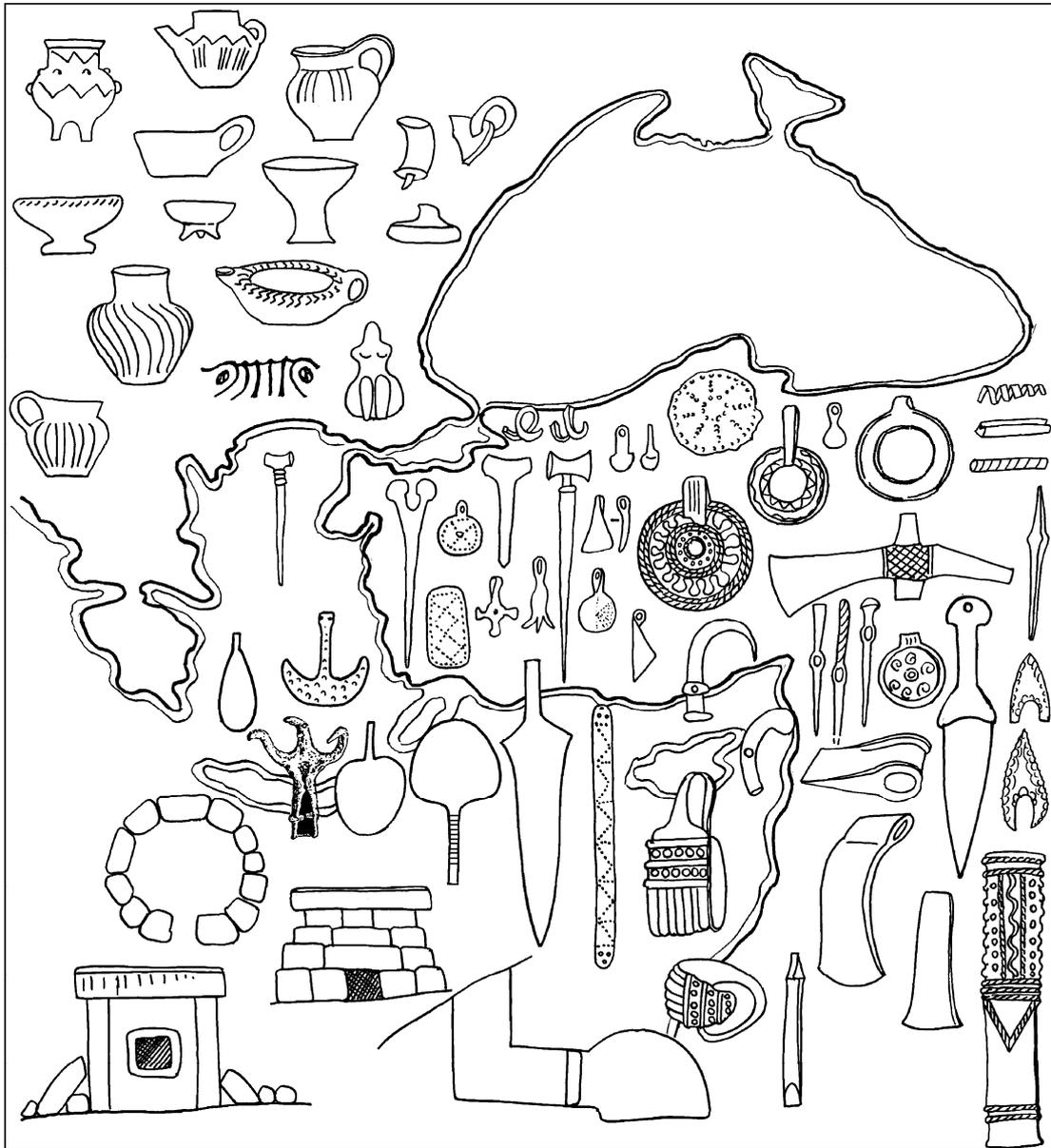

Рис. 17. Истоки новаций в культурах Кавказа эпохи средней бронзы

В заключение перечислим основные результаты анализа процесса культурогенеза на Северном Кавказе.

1. Смена культур при переходе к эпохе средней бронзы произошла в результате стимулированной культурной трансформации.

2. Трансформация культур в обширном регионе была стимулирована усилением аридизации климата в начале суббореального периода голоцена. Аридизация

вызвала системный кризис ориентированных на неполивное земледелие общностей юга Восточной Европы и деструкцию культур от Средиземноморья до Каспия.

3. Культурная трансформация на Северном Кавказе сопровождалась заменой “идеологического каркаса”, то есть идеологических представлений, ценностей и стереотипов поведения древнего населения. Поэтому принципиальные новации охватывают, прежде всего, погребальный обряд, комплекс амулетов-“украшений” и стиль орнаментации культур СБВ.

4. Элита социума, лидеры (чья роль, по-видимому, чрезвычайно возрастает в периоды общественных кризисов), консолидировавшие кавказские племена после хаоса культурной трансформации, “нашли”, “заимствовали” новую “идеологическую систему” в малоазийско-эгейском регионе. Так, комплекс амулетов-“украшений” (маркирующий северокавказские памятники СБВ) целиком восходит к малоазийским образцам эпохи ранней бронзы. В малоазийско-эгейском регионе обнаруживаются истоки целого ряда новаций погребального обряда и керамического комплекса кавказских культур СБВ и, в первую очередь, культуры строителей дольменов Западного Кавказа.

- АБРАМОВА, Т. А., В. И. ТУРМАНИНОВ. 1983. Палеогеография Каспийского и Аральского морей в кайнозое. М.
- АВИЛОВА, Л. И., Е. Н. ЧЕРНЫХ. 1989. Малая Азия в системе металлургических провинций // Естественные научные методы в археологии. М.
- АЛЕКСАНДРОВСКИЙ, А. Л. 1988. Эволюция почв Восточной Европы на границе между лесом и степью // Естественная и антропогенная эволюция почв. Пушкино.
- АНДРЕЕВА, М. В. 1977. К вопросу о южных связях майкопской культуры // СА. № 1.
1987. Рец. на кн.: Кавтарадзе Г. Л. “К хронологии эпохи энеолита и бронзы Грузии” // СА. № 4.
1991. Майкопские и куро-аракские сосуды в роли культурных знаков: опыт сравнительного анализа // Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы. Л.
- АРЕШЯН, Г. Е. 1991. Соотношение типов хозяйства и развитие культур в раннем и среднем бронзовом веке армянского нагорья и Южного Кавказа // Мировая культура. Традиции и современность. М.
- БИДЗИЛЯ, В. И., Э. В. ЯКОВЕНКО. 1973. Рало из позднеямного погребения конца III – начала II тыс. до н. э. // СА. № 3.
- БОЧКАРЕВ В. С. 1982. О соотношении сейминского и турбинского могильников // Докл. на археол. совещ. по проблемам срубной культурной общности в г. Куйбышеве в 1982 г.
1990. Процесс культурогенеза и развитие металлообработки на юге Восточной Европы в эпоху поздней бронзы // Доклад на Конференции, посвященной 90-летию со дня рождения Б. А. Латынина. Л.
1995. Карпато-дунайский и волго-уральский очаги культурогенеза эпохи бронзы // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита-бронзы средней и восточной Европы. СПб.
- БОЧКАРЕВ, В. С., Э. С. ШАРАФУТДИНОВА, А. Д. РЕЗЕПКИН, В. А. ТРИФОНОВ, Г. Н. БЕСТУЖЕВ. 1983. Работы Кубанской экспедиции 1978–1980 гг. // Древние культуры Евразийских степей. Л.
- БУРОВ, Р. М. 1996. К вопросу о назначении молоточковидных булавок // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей. Материалы международной конференции. Ч. 1. Донецк.
- ВАРУЩЕНКО, А. Н., С. И. ВАРУЩЕНКО, Р. К. КЛИГЕ. 1980. Изменение уровня Каспия в позднем плейстоцене – голоцене // Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене. М.
- ВЕСЕЛОВСКИЙ, Н. И. 1910. Алебастровые и глиняные статуэтки домикенской культуры в курганах южной России и на Кавказе // ИАК. Вып. 35. СПб.

- ВОРОНОВ, Ю. Н. 1979. Древности Сочи и его окрестностей. Краснодар.
- ГАЛИБИН, В. А. 1991. Изделия из цветного и благородного металла памятников эпохи ранней и средней бронзы Северного Кавказа // Древние культуры Прикубанья. Л.
- ГЕЙ, А. Н. 1995. Батуринская катакомбная культура и финал эпохи средней бронзы в степном Прикубанье // Историко-археологический альманах. Армавир.
- ДМИТРИЕВ, В. А. 1992. Малая мера дольменов Западного Кавказа // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп.
- ДОЛУХАНОВ, П. М. 1989. Аридная зона Старого Света: экономический потенциал и направленность культурно-хозяйственного развития // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата.
- ИВАНОВ, И. В. 1992. Эволюция почв степной зоны в голоцене. М.
- ИЕССЕН, А. А. 1950. К хронологии “Больших кубанских курганов” // СА. № XII.
- КОНДРАШЕВ, А. В., А. Д. РЕЗЕПКИН. 1988. Новосвободненское погребение с повозкой // КСИА. Вып. 193.
- КОРЕНЕВСКИЙ, С. Н. 1981. Втульчатые топоры — оружие ближнего боя эпохи средней бронзы Северного Кавказа // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. М.
1983. О металле эпохи бронзы эшерских дольменов // КСИА. Вып. 176.
1984. Новые данные по металлообработке докобанского периода в Кабардино-Балкарии. Нальчик.
1988. К вопросу о месте производства металлических вещей Майкопского кургана // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп.
1990. Памятники населения бронзового века Центрального Предкавказья. М.
1993. Древнейшее оседлое население на среднем Тереке. М.
- 1996а. Проблема стадияльного соотношения поселений с накольчатой жемчужной керамикой и поселений майкопской культуры // XIX КЧ. М.
- 1996б. К вопросу о локальных различиях и внутренней типологии Майкопско-Новосвободненской общности с учетом данных ее поселений // МАЕ. СПб.
- КОРОБКОВА, Г. Ф. 1993. Техничко-технологический аспект в изучении производств майкопской культуры // Вторая кубанская археологическая конференция. Краснодар.
- КОРОБКОВА, Г. Ф., Т. А. ШАРОВСКАЯ. 1983. Функциональный анализ каменных и костяных изделий из курганов эпохи ранней бронзы у станиц Новосвободной и Батуринской // Древние культуры евразийских степей. Л.
- КУБЫШЕВ, А. И., И. Т. ЧЕРНЯКОВ. 1985. К проблеме существования весовой системы у племен бронзового века степей Восточной Европы // СА. № 1.
- КУФТИН, Б. А. 1949. Материалы к археологии Колхиды. Тбилиси. Т. I.
- КУШНАРЕВА, К. Х. 1993. Южный Кавказ в IX–II тыс. до н. э. СПб.
- КУШНАРЕВА, К. Х., М. Б. РЫСИН. 1996. Роль Кавказа в системе межрегиональных связей в древности // XIX КЧ. М.
- КУШНАРЕВА К. Х., Т. Н. ЧУБИНИШВИЛИ. 1970. Древние культуры Южного Кавказа. Л.
- ЛОПАТИН, А. П. 1993. Успенский клад эпохи средней бронзы // Первые чтения по археологии Средней Кубани. Армавир.
- МАРКОВИН, В. И. 1973. Составные дольмены с ложным сводом на Западном Кавказе // КСИА. Вып. 134.
1977. Дегуакско-Даховское поселение дольменной культуры в Прикубанье // СМАА. Майкоп.
1978. Дольмены Западного Кавказа. М.
1985. Испун – дома карликов. Краснодар.
1994. Дольмены Западного Кавказа; Северокавказская культурно-историческая общность // Археология России. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. М.
- МАССОН, В. М. 1973. Древние гробницы вождей на Кавказе (некоторые аспекты социологической интерпретации) // Кавказ и Восточная Европа в древности. М.
1989. Первые цивилизации. Л.
1990. Феномен культуры и культурогенез древних обществ // Археологические культуры и культурная трансформация. Л.

1991. Феномен ранних комплексных обществ в древней истории // Социогенез и культурогенез в историческом аспекте. СПб.
- МИНАСЯН, Р. С. 1996. Литейное производство на Северном Кавказе в эпоху ранней бронзы // МАЕ. СПб.
- МУНЧАЕВ, Р. М. 1975. Кавказ на заре бронзового века. М.
1994. Куро-аракская культура // Археология России. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. М. Гл. I.
- НЕХАЕВ, А. А. 1992. Домайкопская культура Северного Кавказа // Археологические вести. № I. СПб.
- НИКОЛАЕВА, Н. А. 1981. Периодизация кубано-терской культуры: Исторические судьбы КТК в катакомбную эпоху // Катакомбные культуры Северного Кавказа. Орджоникидзе.
- НИКОЛАЕВА Н. А., В. А. САФРОНОВ. 1974. Происхождение дольменной культуры Северо-Западного Кавказа // Сообщения НМС по охране памятников культуры. Вып. 7. М.
- ПИОТРОВСКИЙ, Ю. Ю. 1984. Комплекс антропоморфных изображений Ульского аула и вопросы контактов населения Северного Кавказа в эпоху средней бронзы // Археологический сборник. Вып. 25. Л.
1991. Датировка археологического комплекса Майкопского кургана (Ошад) и проблемы хронологии "майкопской" культуры // Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы. Л.
1993. "Майкоп" и Древний Восток // Эрмитажные чтения памяти Б. Б. Пиотровского. СПб.
- ПРОПП, В. В. 1996. Исторические корни волшебной сказки. СПб.
- ПХАКАДЗЕ, Г. Г. 1987. К вопросу о взаимосвязи западно-грузинской раннебронзовой и майкопской культур // Кавказ в системе палеометаллических культур Евразии. Тбилиси.
1993. Западное Закавказье в III тыс. до н. э. Тбилиси.
- РЕЗЕПКИН, А. Д. 1988. Типология мегалитических гробниц Западного Закавказья // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп.
1989. Северо-Западный Кавказ в эпоху ранней бронзы: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л.
1991. Культурно-хронологические аспекты происхождения и развития майкопской культуры // Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы. Л.
1993. К относительной хронологии энеолитических и бронзовых памятников Северного Кавказа // Вторая кубанская археологическая конференция. Краснодар.
1996. К проблеме соотношения хронологии культур эпохи энеолита – ранней бронзы Северного Кавказа и Триполья // МАЕ. СПб.
- Ремесло эпохи энеолита-бронзы на Украине. 1994. Киев.
- РОСТУНОВ, В. Л. 1983. О куро-аракских элементах в керамике дольменной культуры // Кочевники Азово-Каспийского междуморья. Орджоникидзе.
1985. Куро-аракская культура на Центральном Кавказе // Античность и варварский мир. Орджоникидзе.
1996. Определяющие признаки куро-аракской культуры на Центральном Кавказе по материалам погребальных памятников // XIX КЧ. М.
- РЫСИН, М. Б. 1991. Майкопская общность и генезис культуры строителей дольменов // Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы. Л.
1992а. Закубанье в эпоху средней бронзы (По материалам поселений предгорной зоны): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб.
1992б. Керамика из поселения строителей дольменов в Майкопском районе // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп.
1994. Дольмены Западного Кавказа и поселения // XVIII КЧ. Кисловодск.
1996. Начальный этап эпохи средней бронзы на Северном Кавказе // МАЕ. СПб.
- СОЛОВЬЕВ, Л. Н. 1960. Погребения дольменной культуры в Абхазии и прилегающей части Адлерского района // Тр. АБИЯЛИ. Вып. 31. Сухуми.
- СПАСОВСКИЙ, Ю. Н. 1996. Предварительный анализ фаунистических остатков из энеолитического поселения Новосвободное // XIX КЧ. М.
- СТОЛЯР, А. Д. 1961. Мешоко – поселений майкопской культуры // Сборник материалов по археологии Адыгеи. Т. 2. Майкоп.

1964. Поселение Мешоко и проблема двух культур кубанского энеолита // Тез. докл. науч. сес., посвящ. итогам работы Гос. Эрмитажа за 1963 г. Л.
1996. О реалиях Майкопского кургана как свидетельствах драматургии энеолитической истории Кубани // МАЕ. СПб.
- ТЕШЕВ, М. К. 1986. Гробница Псыбе – памятник позднемайкопской культуры на Черноморском побережье // Новое в археологии Северного Кавказа. М.
1988. Мегалитический архитектурный комплекс Псынако I в Туапсинском районе // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп.
- ТРИФОНОВ, В. А. 1983. Степное Прикубанье в эпоху ранней и средней бронзы: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л.
1987. Некоторые вопросы переднеазиатских связей майкопской культуры // КСИА. Вып. 192.
1991. Особенности локально-хронологического развития майкопской культуры // Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы. Л.
1996. Поправки к абсолютной хронологии культур эпохи энеолита – бронзы Северного Кавказа // МАЕ. СПб.
- ФОРМОЗОВ, А. А. Каменный век и энеолит Прикубанья. М.
1972. Поселения Адыгеи эпохи раннего металла // СМАА. Т. III. Майкоп.
1994. О периодизации энеолитических поселений Прикубанья // СА.; № 4.
- ЦВИНАРИЯ, И. И. 1990. Новые памятники дольменной культуры Абхазии. Тбилиси.
- ЦАЛКИН, В. И. 1970. Древнейшие домашние животные Восточной Европы. М.
- ЧЕРНЫХ, Е. Н. 1978. Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР // СА. № 4.
- ШАРОВСКАЯ, Т. А. 1985. Производственная деятельность обитателей поселения Старчики // Достижения советской археологии в XI пятилетке. Тез. докл. Всесоюз. археол. конференции. Баку.